Вячеслав Ар-Серги

«Звезда моя горит высоко...»

Дмитрий Мизгулин

Штрихи к портрету поэта

/ Интервью, беседы /

Литературный фонд «Дорога жизни»

Санкт-Петербург
2016

Вячеслав Ар-Серги

«Звезда моя горит высоко…»

Дмитрий Мизгулин

Штрихи к портрету поэта

/ Интервью, беседы /

АПИ – 2016

УДК821
ББК 84(2Рос=Рус)1-6
С 104

В. Ар-Серги
С 104 «Звезда моя горит высоко…» Дмитрий Мизгулин: штрихи к портрету поэта. / Интервью, беседы/ Сост. В. Рыбакова, корректура Алла Никандрова, дизайн, вёрстка А. Евменова, фотографии из архива Дмитрия Мизгулина. СПб.: АПИ, 2016. –

ISBN 978-5-94158-192-4

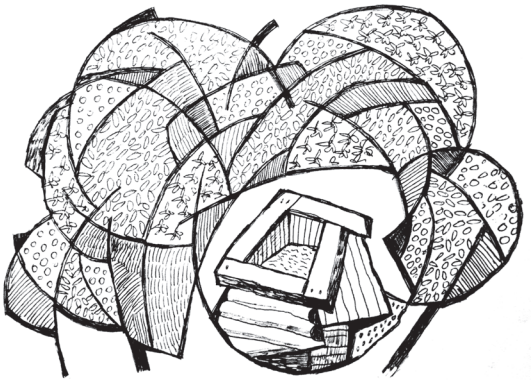
Имя Дмитрия Мизгулина (1961 г.р.) хорошо известно истинным ценителям и знатокам, преданным любителям и друзьям современной русской поэзии. В этой книге поэт отвечает на многие вопросы своего коллеги, заданные ему не вопроса ради, но именно по канве просто доброй беседы понимающих друг друга людей. В ёмких интервью, дружеских разговорах поэта с Вячеславом Ар-Серги, Народным писателем Удмуртии, видятся новые и мастерски верные штрихи к незабываемому творческому портрету Дмитрия Мизгулина, портрету эффектному и точному, искреннему в своих линиях и красках. Лица необщее выражение поэта подтверждают и его фотографии разных лет, и его стихи, занявшие в издании должное место.
Книга адресована широкой читательской аудитории, неравнодушной к русскому поэтическому Слову.

УДК821
ББК 84
С 104

ISBN 978-5-94158-192-4

© В. Ар-Серги
© А.В. Евменов, графика, живопись
© А.А. Евменова, дизайн

Вячеслав Ар-Серги



«Звезда моя горит высоко...»

Дмитрий Мизгулин

Штрихи к портрету поэта

/ Интервью, беседы /

Начало. О том, как я впервые услышал имя поэта Мизгулина. О моих сомнениях по поводу сказанного о нём Юваном Шесталовым. О встрече с самим Дмитрием Александровичем. О ханты-мансийских и других ветрах – природных и поэтических. «Слава, давай на „ты", зови меня Дима...» – что оказалось непросто...

Да, на самом деле, впервые я услышал о поэте Дмитрии Мизгулине от Ювана Шесталова. Конечно, имя Мизгулин уже и до этого зацеплялось в моей памяти – думается, по ходу предыдущих читательских пробегов по страницам московских литературных хроник. Но вот Юван Николаевич впервые персонифицировал мне его личностно и поимённо... Кому как, но для нашего брата, российского национального писателя, это стоит немало. Имя Ювана Шесталова уже при его жизни было поистине легендарным...

Так сложилось, что моя творческая судьба близко свела меня с самим Юваном Шесталовым в пору моего «школярства», как мы говорили, на Высших литературных курсах Московского литературного института. Было это, дай Бог памяти, в 1990 году. Кажется, так... ВЛК – всего три буквы аббревиатуры, а за ней несколько насыщеннейших страниц творческой и жизненной биографии. А где мы повстречались с Юваном Николаевичем? Правильно, в буфете Центрального дома литераторов. Помнится его быстрое, очень сильное пожатие моей руки с резким встряхом:

– Ха! я тебя знаю... Мы тебя печатали у нас...

На что я дружески парировал:

– Я вас тоже знаю... Мы вас тоже печатали...

– До чего мы тесно живём! – прогрохотал он. – Все друг друга знаем и друг друга печатаем! Пора на Луну!

Да, Юван Шесталов… – это был человек-буран. А для бурана нет границ, он везде – свой. Хоть иногда его и не ждали…

А потом мы часто созванивались, нередко наши писательские дороги снова сводили нас за добрым столом. Ораторствовал на них, конечно же, Юван Николаевич. Другим он слова давал редко – но в этом и была его прелесть. Ведь рассказчик он был – отменный! Он мог за час рассказать сюжеты трёх-четырёх своих будущих романов – сходу. Эффектно, зрелищно, занимательно, без пауз на рюмку чая и еду.

Мне кажется, что в советское время и первое постсоветское не было ни в СССР, ни затем в РФ человека, в какой-то мере близкого к современной отечественной литературе, не знавшего его имени. А про таких, как я – выпускников филфаков национальных университетов, и говорить нечего. Юван Шесталов был архипопулярен… Сын председателя колхоза, внук северного шамана, орденоносец, лауреат всероссийской литературной премии имени Горького, яркая личность, имеющая массу друзей и поклонников. А довеском к ней – и немалую массу недоброжелателей, которых сам Юван Николаевич мог порождать буквально на пустом месте – везде…

Он знал поэзию природно, если можно так сказать, подкожно. Да простят меня взыскательные лингвисты… Его пальцы, слух и зрение никогда не обманывались на тему настоящести литературного факта-явления, и в особенности – имён. Графоманов он называл графоманами – прямо. Хороших поэтов любил – по-свойски. Перед талантами снимал шляпу, хотя на его большой раскудрявой голове я и не видывал таковой никогда. В моей памяти он всегда – без головного убора, в не зависимости от времени года и места его нахождения – в помещении ли, на улице ли…

…А в тот раз мы сидели с ним за чашкой чая на «Семи холмах» в Ханты-Мансийске. Да, это была, помнится, осень 2004 года. В Ханты-Мансийске проходил Международный конгресс финно-угорских писателей, где я представлял нашу литературу… Он поздравил меня с присвоением звания Народного писателя нашей республики (в прошлом году) и бурно посетовал на то, что подобных званий почему-то нет в Югре…

Он был всё такой же – шумен, задирист в речах и не только. Мы уже потолкались с ним лбами – по его словам, так здороваются быки-олени в его берёзовских краях. Но синяк на лбу нисколько не огорчил меня, я был рад видеть Ювана Николаевича таким, каков он – был и есть. Разговорились о том и о сём, плавно входя в главную тему нашей беседы – литературную. На мой вопрос о состоянии литературных дел в Югре он ответил просто:

– Если бы тут меня не было, то ничего и не было бы…

– А есть хорошие новые имена?

– Не было… – ответил он. – Но приехал Мизгулин.

– А кто он такой? – заинтересовался я. – Из хантов, манси? Из местных?

– Да нет. Русский он. Говорю же – приехал… Значит, издалека. Такой здоровый, выше меня. Спортсмен к тому же… Но был бы я помоложе, я бы обставил его…

– И что он за человек?

– Костюм у него хороший…

– Писать может?

– Может, если я его – читал!

И перешёл на другую тему… Вот и всё. Но в устах тогдашнего Ювана Шесталова, весьма скуповатого на признания, этот отзыв превосходил все знаемые высоты литературных реляций. Одно его слово стоило нескольких телег кропотливых исследований литспецов… Он просто говорил «да» или «нет» – без литспециальных нюансов, полутонов, особенностей архитектоники, лирической детерменированности и т. п… И тогда же я оставил в своей памяти зарубку: Мизгулин – да. Без кавычек.

Много воды с тех пор ушло и в Каме, и в Иртыше с Обью… В 2011 году не стало Ювана Шесталова. Он ушёл своей оленной тропой туда, где ждали его больше…

А я помню его. И когда выпадает попутный случай, то обязательно захожу в Музей под открытым небом «Торум Маа» в Ханты-Мансийске – там он застыл навсегда. В образе памятника. Поклон тебе, дорогой Юван Николаевич! Вы много, много работали по жизни, теперь отдохните и пусть земля вам будет пухом… Влажнеют глаза и не продохнуть – в горле…

* * *

И вот мы встретились с самим Дмитрием Мизгулиным. А встреча наша произошла в его рабочем кабинете руководителя Ханты-Мансийского банка. Официальные наименования его собственного статуса и самого банка – весьма звонки и премудры, как говорится, креативны и актуальны. И поэтому, чтобы не отвлекать внимания нашего уважаемого читателя, я выразился просто, но – по сути. Поэт Дмитрий Мизгулин работает в банке, не только работает, но и руководит им. А кому интересна более подробная информация об этом банке, то в его сайт – милостью просят.

Не скрою, на эту встречу я пришёл не просто, я уже читал Дмитрия Мизгулина. И более того, даже много ранее и перевёл пару его стихов, напечатал в газете – по интересу к творчеству Дмитрия Мизгулина, переданному мне Юваном Шесталовым. Это стихотворение просто не могло не постучаться в мою переводческую дверь, впрочем, никогда и не закрытую на ключ... Дело тут было – в стихе, а не столько в авторе, с которым мы и не были лично знакомы... Я о нём лишь слышал, а он обо мне, наверное, и – нет.

Стихотворение было просто, хорошо и вкусно, невзирая на боль, сочащуюся между её строк. Но эта боль принималась мною – как откровение, как допущение к сокровенному разговору – с глазу на глаз... Этот стих нельзя было слушать в зале, переполненном нашей и не нашей братией. Его можно было только прочесть – самому, без третьего лица. А потом кивнуть фотографии автора – мол, всё понял...

* * *

Друг мой, а что же делать мне,
Когда метель во мгле закружит,
Когда вдруг сердце занедужит
В чужой, богатой стороне...
Когда ты сам и сыт и пьян,
Когда в дому твоём достаток,
А всё вокруг – один упадок,
Во всём кругом – один обман.

И что же делать мне, скажи,
И как унять мои тревоги,
Когда кружатся миражи
Позёмкой стылой по дороге…

Помнится, это стихотворение я снова нашёл и в ханты-мансийском литературном альманахе «Эринтур» («Поющее озеро»), любезно подаренном мне тогдашним руководителем ханты-мансийской писательской организации Николаем Коняевым. На его дарственном экземпляре было несколько закладок – мол, обрати внимание. И одна из его закладок открывала поэтическую подборку Дмитрия Мизгулина.

Помнится, тогда я попросил у Николая Ивановича что-то ещё почитать у Мизгулина. Он просто в суете сует текущего дня оставил мне на своём рабочем столе несколько книг и журналов. А вечером я уезжал из Ханты-Мансийска в Пыть-Ях, чтобы сесть там на свой поезд – домой. Моя творческая командировка в Югру закончилась. Я уезжал усталый и, конечно же, вёз с собой… Что? Спросите вы… Конечно же, книги. Не могу оставить книг, пришедших в мои руки – хоть и многократно зарекаюсь. И из каждой командировки я возвращаюсь, как шутит моя супруга, книгоношей. Без книг я не мыслю ни одного своего дня. Если не пишу, то читаю. А квартирка моя, стало быть, не резиновая… Ох, ах… Писатели поймут меня.

Не поднимается моя рука расстаться с книгами…

А в том возвращении домой меня сопровождали стихи Дмитрия Мизгулина.

В их числе и этот наполненный согревающим светом реквием ушедшей, отставшей по дороге, памяти о самом сокровенном чувстве:

«Уезжаю не навсегда…»

Уезжаю не навсегда,
Но с тобою прощаюсь навечно.
Обниму тебя, как тогда,
В первый раз, за детские плечи.

В моросящем дожде вокзал.
Ты стоишь. Ты не прячешь взгляда.

Веришь, всё бы тебе отдал.
Да тебе ничего не надо…

Или фатально-щемящее:

«А всё-таки, спеши, спеши…»

А всё-таки, спеши, спеши,
Пусть даже ошибаясь снова,
Всю боль мятущейся души
Вложить в трепещущее слово!

Когда молчания печать
Твои уста сомкнёт навечно,
Ему – звенеть, ему – звучать
То дерзновенно, то беспечно.
Но покоряясь своей судьбе,
Не ожидай вознагражденья:
Нет ни спасения тебе,
Ни сострадания, ни прощенья.

Сомнений чашу ты испил
И не тверди молитв упрямо,
Ведь всё равно не хватит сил
Изгнать торгующих из храма…

Мощнейший оксюморон последних строк. Через отрицание – утверждение!

Передо мной вставал образ автора, рисуемый моей фантазией. Но, забегая вперёд, скажу, что этот образ нисколько не соответствовал информации, которую я исподволь узнавал о настоящем авторе. Из печати, конечно. Из книжной, и другой… А из неё узнавалось, что:

ДМИТРИЙ МИЗГУЛИН

Родился 10 сентября 1961 года в городе Мурманске. Окончил Ленинградский финансово-экономический институт в 1984 году и Литературный институт имени Горького в 1993 году.

Служил в СА. До 2001 года работал по банковской линии, в том числе на руководящих должностях, в Ленинграде.

С 2001 года, приняв предложение руководства ХМАО-Югра, возглавил ОАО «Ханты-Мансийский банк».

И так – далее… По банковской линии – всё по возрастающей. Отмечен профессиональными знаками признания, в их числе «Банкир года…» и т. д.

А по литературно-творческой тоже – прекрасная биография. Член Союза писателей России. Лауреат многих литературных премий. Международных, всероссийских и региональных. Первая отдельная книга – «Петербургская вьюга», издана в 1992 году. Далее – «Зимняя дорога» (1995 г.), «Скорбный слух»(2002 г.), «О чём тревожилась душа» (2003 г.), «География души» (2005 г.), «Избранные сочинения» (2006 г.) и многие другие.

Постоянный автор признанных российских периодических и книжных изданий. Дмитрия Мизгулина охотно переводят и публикуют как на языки народов нашей страны, так и за её пределами.

Примечание: Это то, что тогда я узнавал о нём. А сейчас биобиблиография Дмитрия Мизгулина уже совсем не вмещается в скупость редакторских врезок к его текстам… У большого корабля – большое плавание.

Это уж потом я читал всё, что находилось под руку о поэте Мизгулине, следил за его новыми публикациями. Они были нечастыми, но ёмкими. В подборке до десятка стихов, а то и больше… А рядом на портрете и сам – Дмитрий Мизгулин. Собран, пружинист… Такое впечатление, что вот оживёт фото и сам Дмитрий Александрович вдруг улетит вместе с вьюгой. Раз – и нет его. Но улыбка – осталась. А улыбка – хорошая. Видится с грустинкой, но всё равно – хороша. И глаза – на миг отставленные от своего горизонта – на зрителя. Но только на долю секунды…

Во многих фотографиях – она есть. И, наверное, без неё уже и нельзя. Натянутая до самой кондиции струна, настроенная для звука. Так и хочется иной раз сказать: «Да расслабьтесь уж вы хоть на миг, душа – Дмитрий Александрович!» Без намёка на иронию, тактично.

Но вдруг я начинаю понимать этот вид фотонапряжения. Мнимого или настоящего. Наверное, всё дело тут – во мне… Наверное, таким вижу его я – прочитавший его стихи. Потому что стихи его – «не аккуратнень-

кая пачка бумажных листов, а гроздья гвоздей, царапающих...» Так говаривал один классик. Эти слова как нельзя лучше определяют душенахождение творческой основы письма поэта Дмитрия Мизгулина. Вот написал я это предложение и аж сам покраснел – ну, не знаю того, чего никто не ведает. Где она прописана – душа поэта? Это только литературоведы с критиками всё знают, а нашему брату – неведомо. Может ли соловей продиктовать свой адрес? Наверное, может. Надо только прислушаться. И настроиться своей душой на антенну ангельской птахи... А это, ох! Не многим удаётся...

Если бы удавалось, то все бы писали стихи...

Если бы это удавалось, то все бы играли на скрипке...

Если бы это удавалось, то все бы взяли в руки кисти великих художников и рисовали – лучше их...

Если бы это удавалось, то и многие были бы не прочь спеть арию-другую из бессмертнейших опер...

Если бы... Ах, да хватит этого сослагательного наклонения. Жизнь ведь для нас такова – какова она и есть. Со своей философией и со своим бытом. Со стихами – тоже.

А Дмитрий Мизгулин знает свой путь. Потому что он проходит через тернии, свернуть от которых нельзя. Ведь не можно не принять свою Судьбу. Как в литературе, так и в жизни... Именно судьбой своей и славен, сущностен творец. А чёрточки судьбы поэта – его стихи...

* * *

Кружусь по жизни день-деньской
В привычной суете мирской,
В оковах разных должностей,
В глухом плену чужих страстей...

Живу на дальнем берегу,
Чужие деньги берегу,
Решаю сотни теорем –
Чужих надуманных проблем.

И под покровом тишины
Смотрю всю ночь чужие сны...

И лишь скорбящая душа
Творит молитву, не спеша,
И Ангел в звёздной тишине
Не забывает обо мне…

Вот это и есть партитура музыки поэта! Вот и прозвучала напряжённость струны, затянутой до звона церковного колокольца – лишь тронь… Здесь и набат, и – благовест!

* * *

Ольга Власова, элегантная помощница депутата Окружной Думы ХМАО-Югра Дмитрия Мизгулина, любезно проводила меня в головной офис Ханты-Мансийского банка. Расположенного где? Правильно – в Ханты-Мансийске, на улице Мира. В приёмной руководителя нас улыбчиво встречает красавица-секретарь и сообщает, что шеф должен прибыть с минуту на минуту. О нас знают. А пока можно и чаю попить… В это время Ольга Владимировна быстро переговаривается с зашедшим в приёмную руководителя Романом Кичановым. Мы пожимаем друг другу руки. Передо мной – одна из влиятельных фигур структуры хозяйства Мизгулина. Умён, энергичен, коммуникабелен, молод и т. д. В творческих заботах своего шефа курирует в том числе и литературные направления. В особенности по фонду «Дорога жизни», занимающемуся широчайшим спектром собственных литературных программ, уверенно заявившему о себе не только в Западной Сибири и в целом по РФ, но и далеко за её пределами… Литературные премии (имени Корнилова, «Югра», имени Тютчева и др.), издания книжной продукции художественно-литературного направления, проведения разных тематических мероприятий, непосредственная поддержка писателей – где словом, но чаще – делом… Уйму добрых дел проводит фонд «Дорога жизни», и всё это – без помпы, деликатно, умело и тактично. На общее благо.

Мне кажется, что Роман Кичанов прекрасно ориентируется в современной российской литературе, от чего тщательно отнекивается – да нет, что вы, я ведь не писатель… И т. д. Но я воочию потом убеждался, что у этого человека с пониманием литературы – всё нормаль-

но, в отличие от многих кандидатов всяческих гуманитарных наук. Особенно филологических. Но не будем их обижать, они и так не в фаворе… – давайте дружить, как говаривал кот Леопольд.

Мы тихо переговаривались в приёмной, и вдруг в кабинет ворвался вихрь. Мне показалось, что он зашёл не в дверь, а разом – в окна, в двери. Но вихрь был не злой и не холодный, а это был сам собственной своей персоной – Дмитрий Александрович Мизгулин.

– Здравствуйте, здравствуйте… Ух, у Оли новая причёска! Роман, принеси мне те документы… Аха… Слава, айда в кабинет. Что тут остановился? Жизнь – это движение и – только вперёд! Проходи, проходи!

И всё это под ободряющую, дружескую улыбку… Добрый вихрь подхватил меня и усадил в кресло уже в другом кабинете. Как лист осенний, я был невесом…

Дмитрий Мизгулин оказался повыше меня, мой рост 176 см. В плечах пошире и обликом солидней. Да и выглядит, конечно же, помоложе. Или поухоженнее… Хотя и на один год старше меня… Ах, годы вы мои забубенные! Как же вы состарили меня… Но тут я вжимаю живот, расправляю плечи – может, постройнею… Надо было всё же спортом заниматься…

Вы уж меня простите, что тут я сужу по себе. Но что уж поделаешь, как говаривала моя матушка, у каждого свой аршин. Вот этим собственным аршином я примеривал коллегу. Гренадёр, ей-Пра! Как и положено, одет с иголочки…

Лицо округлое, с ямочками для улыбок, взгляд – быстр и цепок. Но не колок. Позднее я вспомню фразу Дмитрия Мизгулина о том, что для понятия сути нового человека ему хватает взгляда нескольких минут. Это – чисто жизненная интуиция, помноженная на профессиональную самовыучку.

Интересно, что он тогда обо мне подумал? Так никогда и не сказал… Это, наверное, тоже профессиональное. Сродственное врачебным, юридическим тайнам. Ну, да и ладно. Как говорится, не такие уж мы и сложные… И слава те, Господи… Чем богаты, тем и рады.

– Бывал, бывал в Ижевске, – сказал Дмитрий Александрович, тут же этим расположив меня к себе. Вроде, мало ли бывает людей в нашем городе… Но всё же,

было почему-то приятно, как самому записному квасному патриоту.

Потом лишь я подумал, что фактом того, что Дмитрий Александрович бывал в нашем городе, он нисколько не приноравливался к моим настороженным взглядам. Нет, он просто сообщил, что бывал в моём родном городе – и не более того. Вот так дошло до меня, что Мизгулин не играет какую-то роль, а просто живёт. И от этого-то он и – настоящ. Не знаю точно, как в других отраслях его бурнейшей жизнедеятельности, но в поэзии – точно. А по другим его интересам, занятиям… Я недавно прочитал одно из его многих интервью и был совершенно поражён сообщением о том, что в одно время Дмитрий Мизгулин курировал вопросы в семи десятках направлений – член того-то, участник того-то, консультант по…, референт по…, эксперт, председатель, директор и т. п. Основной частью – на общественных началах…

– Ты ведь в Хантах не в первый раз… Ну, как, Слава, хорошеет наш город? – спросил он, сквозь телефонную беседу с кем-то. Позвонили.

– Город – хорош. Но он, простите, даже слишком хорош. А в обыденной жизни то, что слишком – это вызывает недоверие… Мне кажется, что я в Макондо, эфемерном городе, – почему-то сказал я. Наверное, просто из зависти к ханты-мансийцам.

– Тут всё есть – и дворцы, и хижины, – быстро проговорил меж своей трубкой хозяин кабинета, – и даже мы – я и ты…

– Ну да, – сказать что-то поумнее, поэпохальнее в тот момент у меня не нашлось…

Я ведь открыл этот город для себя ещё в самом начале 90-х годов века минувшего. А, может, и чуть раньше. Город походил тогда на некую расстановку бараков, балков, неприхотливых кирпичных домов с домиками… На улицах – подобие асфальта. Возвышался над всем этим местный «Белый дом»… Подобных тогдашнему Ханты-Мансийску посёлков у нас и сейчас хватает… Леспромхозовских, в частности.

Может, о том Ханты-Мансийске и были стихи Мизгулина?

* * *

Вагончики. Сарайчики. Балки.
Избушки кособокие. Бараки.
Мы были от Европы далеки,
А завтра будет хуже, чем в Ираке.

Мы миру продаём и нефть, и газ,
А сами кое-где сидим без света.
Ну, кто, скажи, подумает о нас,
И от кого мы нынче ждём ответа?

Лежат снега. И в царствии тайги
Наступит утром тишина такая,
Что слышно мне движение реки,
Что подо льдом течёт, изнемогая.

Ах, сколько и нынче ещё таких городков? Богата ими обширная Русь…

Дмитрий Мизгулин заканчивает свою энергичную телефонную речь и выполняет мою просьбу – показать свой кабинет, место его работы. Тут уж я должен прямо сказать – я не частый гость в подобных местах и многое мне не то что непонятно, а просто инородно. Но я понял одно и главное – тут вершатся дела немалые. С Богушком!

А тут скоро и час нашей беседы пролетел. Ба! Смотрим – уже второй час проходит. О чём мы говорили? О многом. Что я запомнил? Немногое. Мне было просто тепло и уютно у камелька беседы с неординарнейшим, незаурядным человеком, как и мы выбравшим самую необъяснимую форму диалога с окружающим миром – Поэзию. И оказывается, что мы прекрасно понимали друг друга… Даже и несмотря на мою этническую малоконтактность, изначальное недоверие ко всему – не своему…

– Так, Слава, сегодня у меня ещё три деловых встречи осталось. По банковским, по депутатским делам… Тяжела ты, шапка Мономаха. А давай досидим наши поэтические темы завтра, да под свежую рыбку. По-нашенски… По-сибирски. А? – в глазах Мизгулина пляшут озорные чертики, – а для консенсуса и третьего возьмём. Нашего друга. Ну, как? До завтра?

– До завтра, Дмитрий Александрович – конечно же, соглашаюсь я.

– Слава, давай на «ты», называй меня Димой, – хлопнул на прощанье по моей руке Мизгулин. Не панибратски, а как-то душевно…

…Но долго я ещё буду обращаться к нему официально. Да и сейчас…

Мизгулин был так огромен для меня, нов и небывал, что без тайм-аута в восприятии его мне не обойтись. Надо привести в порядок мысли. В особенности первую – зачем я сюда пришёл? А судьба и привела. Такой судьбе я – благодарен. И повстречался мне ханты-мансийский ветер, нет – вихрь. А я и рад ему. И в особенности встрече с большим поэтом. Поверьте, для поэта это большая радость и откровение – беседа с человеком, понимающим его с полуслова. Не только коллегой, но и, позвольте сказать, единомышленником. Ведь рыбак рыбака видит издалека…

Той ночью мне не спалось. Я смотрел в окно и не видел города, куда привели меня сегодня путь-дорожки мои писательские… Передо мной въяве предстал образ Салтыкова-Щедрина, царского вице-губернатора нескольких российских губерний и по совместительству страстного обличителя тогдашней государственной системы. Да такого, что каждое его произведение и по сей день российски-актуально…

Наконец я распрощался с ним:

– Подите, подите, Михаил Евграфович, уже поздно, ей-Богу…

Я так и не мог понять, вместить в себя – как можно совершенно, можно сказать, уютно жить в системе, быть затребованным ею и мастерски-гениально её критиковать, требуя перемен…

Как тут не вспомнишь всенародного мудреца Черномырдина: «Хотели как лучше – получилось как всегда».

Но, видно, не всегда может быть как всегда!

– Дмитрий Александрович, а вы что думаете об этом?

Но Ханты-Мансийск, с его и банкирами, и поэтами – уже спал. Доброй вам ночи, добрые люди…

В ту ночь мои бессонные размышления привели меня к одному выводу – людей, подобных Дмитрию

Мизгулину, я ещё не встречал. Он был мне невероятно интересен. Но был ли я интересен ему? Вот что меня волновало. Это я понял уже только утром, бреясь перед зеркалом. И вдруг я показался себе невероятно пресным, недалёким и бедным человечком…

Об этом, говорят, помнят все люди. А мужчины особенно при бритье… Когда смотришь в себя – один на один. Тут самовраньё не проходит…

Как нет его и в настоящих стихах, созданных Дмитрием Мизгулиным.

* * *

Забыв про Родину и Бога
В привычных радостях труда,
Бредём полночною дорогой
Из ниоткуда в никуда,

Перемещаемся при этом
Из мрака – в мрак.
Из тьмы – во тьму,
Кому нужны мы в мире этом?
Сказать по правде – никому…

Метелью сумрачной овьюжен,
Привычно кутаюсь в пальто.
Я тоже никому не нужен,
И мне не надобен никто.

Звезда моя горит высоко,
Небесный указуя путь.
И хорошо. И одиноко.
Вот только холодно чуть-чуть…

И снова – головокружительный оксюморон. Утверждение отрицанием… Вот в этом «чуть-чуть» и всё чудо стихотворения! Без этого «чуть-чуть» нет ни стиха и ни жизни. Люди добрые, согрейте друг друга хоть чуть-чуть. Будьте чутче друг к другу чуть-чуть. А маленький ручеёк этого «чуть-чуть» так и добежит до своего моря – всеобщей, божьей любви…

Мне так думалось…

* * *

А завтра мы поехали в Самарово. Третьим, для консенсуса, нам любезно согласился стать Александр Смирнов, Саша – как он представился. Живой в общении, деликатен, ценитель доброй шутки – человек приятный во всех отношениях. Так ведь про таких говорят... Не надоедный, не «якающий» и т. п. Смирнов работает с Мизгулиным. Также как и для Кичанова, для него в вопросах литературы – мрака нет. Дмитрий с улыбкой вспоминает одно писательское путешествие с москвичами по реке, где буквально все восприняли его банковского коллегу за всамделишнего писателя. В их числе и Станислав Куняев, главный редактор журнала «Наш современник». Настолько сущностны были размышления Александра Смирнова на тему отечественной нашей литературы. Что скажешь? А скажешь: с кем поведёшься, от того и наберёшься...

Это, думается, ему и посвятил Дмитрий Мизгулин своё стихотворение. Но если не ему, то всем – А. Смирновым. А таковых на Руси немало. Лично я даже в Ижевске скажу о двоих – сразу.

* * *

Сижу у моря, жду погоды...
Погоды не было и нет:
Тускнеют сумрачные своды,
Дрожа, струится лунный свет.

Нет никого на белом свете,
И мир объемлет тишина,
И только звёзды, только ветер,
И только жёлтая луна.

Немая даль в тумане тает,
Шагает чайка по песку...
И где-то рыбка золотая
Плывёт навстречу старику.

Самарово – это, как бы его сказать, ныне пригород или микрорайон Ханты-Мансийска. Но его биография

уж и побогаче, чем у самого Ханты-Мансийска. Самарово стоит на берегу Иртыша, это водные ворота столицы Югры. И чего тут только не понастроено! Перекрестившись на кресты ближней церкви, озираюсь... Да батюшки-светы!..

Тут даже Алиса корабельная стоит – памятник, конечно. И чего её тут сюда занесло с тёплых морей... Зажала в ручке свой платочек и машет им проходящим судам.

По Самарову можно полдня ходить и ахать. Оставим это на следующий раз...

А сейчас – поэты идут отведать рыбки! И поговорить – за жизнь... Есть тут совершенно милый ресторанец – туда и держим путь.

Тут совершенно кстати придётся анекдотец, походя рассказанный мне кем-то из местных. Люблю хорошие анекдоты! Жаль, не все запоминаю, но этот помню ведь...

– Загулял разок ханты-мансиец в городе Нью-Йорке. Вышел из ресторана и подзывает такси – мол, подвези... Рукой показывает... А тот – мол, куда вам, сэр? А ханты-мансиец говорит – в Ханты-Мансийск, блин! А тот глаза выпучил и головой мотает – ишь, непонятки у него... Тут наш ханты-мансиец вытаскивает из кармана толстенную пачку долларов и снова – в Ханты-Мансийск! На что таксист, эдак уж угодливо: «Вам до Центра или до Самарово?»

Мои спутники, наверное, много раз уж слышали этот анекдотец, но – смеются. Мол, знай наших! Во всём мире знают Самарово!

В этой главе Мизгулин – в пуловере. Мои попытки пробиться сквозь клише интервью – Мизгулин улыбается. И снова о Поэзии – всегда о ней. И только о ней... О жизни – тоже...

Заказывали мои спутники с абсолютным знанием дела. Вкусно, но без какого-то ни было барства – мне это очень понравилось. И с этого момента мне стало тут нравиться всё. И в особенности мои собеседники перед парой бутылок отличного белого вина.

– Всё как-то меня на берега тянет. Речные, морские, – сказал Дмитрий, оглядываясь вокруг.

– А это гены. Всё человечество изначально формировалось на берегах, – тут и мне захотелось выдать нечто поскраментальнее.

– Да нет, – сказал Дмитрий, – зачем в такую даль? Всё надо искать поближе… Вся отцовская родова наша, да и он сам – все из Поволжья. Почитай, Саратовская губерния… Ах, гармошечки же там! А матушка моя… Сама она родилась в Питере, а вот её родители – с Нижегородских краёв. Тоже, стало быть, и волгари…

– Каких они были ремёсел, профессий?

– Да самых что и ни на есть и небогатых… Крестьяне, учителя, были и военные… Отец – моряк, мама – врач.

Да, Мизгулин сегодня – в пуловере и джинсах. Пуловер помню, а джинсы… Я не любитель джинсов и почему-то абсолютно к ним равнодушен – и к крутым, и не очень…

Также одет и наш «третий». Лишь я в своей писательской «спецовке» – вельветовый пиджак и чёрные брюки. Белая рубашка. Как всегда, без галстука.

– Дмитрий, можно вам, тебе задать вопрос… – не даёт мне покою мой интерес.

– Пожалте! – я получаю разрешение.

– Я видел многие твои фото… Как ты одеваешься так аккуратно? У тебя есть, как его говорят-то?..

– Стилист, – подсказывает Александр.

– Есть, – совершенно серьёзно отвечает Дмитрий, – и зовут его Дмитрий Мизгулин. Естественно, Александрович.

– Он на штатном расписании? – я не сразу понял.

– Конечно, на всю мою жизнь… Ха-ха-ха… – смеётся Дмитрий. – Да сами одеваемся! Глаза – есть, стало быть и видим, что – к чему… А так… Я одеваюсь по удобству.

– А ведь удобные вещи – дороги…

– Не всегда… В одежде что главное – отсутствие к ней вопросов. Как с твоей собственной стороны, так и окружающих… Ты что будешь, Слава? Форель или муксуна?

– Всё… – я объявил праздник поэтического эпикурейства.

* * *

– Дмитрий, а если бы вам сказали, просто поэту или просто банкиру, что есть люди, великолепно совмещающиеся в себя оба качества – литературное, банковское… Вы бы поверили? – а муксун тут очень неплох. Впрочем, я и ем-то его лишь, дайте сосчитать, ну да, в пятый раз… Рыба – как рыба. Она и в Африке – рыба. Да и у нас – тоже.

– Ну, если бы я был просто поэтом, выпускником филфака университета или только Литинститута, то я бы, возможно, и запомнил по лекциям своих профессоров… Что это – не новость для отечественной литературы. Не-а. Конечно, вряд ли я бы знал об этом будучи только банкиром… Впрочем, неужели наших финансистов не учат истории российского банковского дела? Наверное, учат.. Но не в этом суть, а в том… Что видится целая череда блестящих наших литераторов – классиков, вёдших банковские дела отнюдь не малого масштаба… Извольте примеры. Гавриил Романович Державин возглавлял Коммерц-коллегию, ведавшую внешней торговлей Российской империи. Старик Державин по-пушкински… Поэт Владимир Бенедиктов служил секретарём министра финансов России, входил в правление Государственного банка.. А Иван Аксаков? Поэт, публицист… Возглавлял правление Московского общества взаимного кредита. Князь Пётр Вяземский руководил Государственным заёмным банком…

– Это в царской России…

– Да. А советские реалии были другие… Вы их прекрасно знаете.

– Да. Удостаивался доверия, как бы это сказать поточнее, человек однолинейный. Да! Знаете, Дмитрий, я вступил в Союз писателей СССР в 27 лет. Одно из важнейших условий приёма в оную организацию было… Знаете что?

– Ну, ну.

– Одножанровость творчества автора. Надо было чётко определиться с жанром своего творчества, что прописывалось даже в личном деле – поэт, прозаик, переводчик, драматург и т. д. И это указывалось даже в телефонной, адресной книге членов СП СССР… Помните, такая была – толстенная… Если человек работал в

разных жанрах, то к нему тут же приклеивался ярлык – «многостаночник». А к носителю ярлыка и отношение было – доверия меньше. Ну, если он – не классик… И если при приёме в СП соискатель предлагал к рассмотрению свои стихи, пьесы, прозу – чохом, то такой человек долго ещё ходил в недоумениях – почему его не принимают… Немалая часть литераторов, увы, так и ходила с этим вопросом до скончания лет своих…

– Слышал, да. Я не знаю… Мне не довелось стать членом СП СССР. По причинам, я вижу сейчас, не совсем и зависящим от меня… Сами понимаете – от чего, я всегда стоял как-то в некоторой сторонке от общего потока литературной жизни… Так уж, значит, получилось. Я ведь вообще брал немалый тайм-аут в своём творчестве. Уже и после окончания Литинститута… Прямо говоря, писал в стол. А вернее, просто – для себя. Не мог не писать… А днём работал, ходил на службу… Забот хватало – на работе, в семье и т. д. У меня ведь ныне уже пятеро. Детей, имею в виду. Недавно вот к моим парням и девочка добавилась. Слава те, Господи…

– Плюс ещё десятка три ваших своих книг. Книги – они ведь и есть дети писательские… Их тоже надо поднять на жизненное крыло, а до этого проносить в себе, родить… Автор – он и есть родитель, одновременно отец и мать. Как большой книге, так и маленькому стиху в несколько строк…

– Совершенно согласен, дорогой Слава. За это – по рюмочке!

Вино – отличное. И особенно отлично тогда, когда веселит хорошую компанию. И вообще, я думаю, что качество вина напрямую зависит от его ситуативного потребления. Вряд ли даже самое лучше вино развеет грусть, если его пить, спрятавшись за портьеру – в скупердяйском одиночестве. Лично я так никогда не пил, за портьерой.

Ах, как же кстати это вино к стихам! Как там было у вас, Дмитрий? Ах да…

* * *

Я поздней осенью дышу.
В морозной дымке вечер.
Буксиры вниз по Иртышу
Плывут Оби навстречу.

Они вершат привычный путь
К последнему причалу,
Чтобы немножко отдохнуть –
И вновь начать сначала,

В круговороте суеты
Понятная дорога,
Пусть невысок полёт мечты,
Но не судите строго.

Дым заблудился над трубой,
Флаг реет над кормою,
Доволен будь своей судьбой,
Работой и страной.

Не суетись, не мельтеши
И, огибая мели,
Тащи бесценный груз души
К одной заветной цели.

О светлом будущем мечтай,
Но только ненароком –
Спаси Господь – не опоздай
К отмеренным нам срокам.

Когда закружится пурга
И почернеют травы,
Когда тяжёлая шуга
Замрёт под ледоставом.

А ведь на самом деле! Мы сидели в осени на берегу Иртыша. И нам было тепло и светло. Именно таким я помню наше самаровское застолье…

Я тут и самого себя уж не узнавал. Мне почему-то думалось, что такое застолье – оно последнее. Хотелось

шутить, смеяться, быть остроумным. Одним словом, не тяготить компанию собой. Мне кажется, что это получилось.

А, может, я ошибаюсь… Истина никогда не бывает ни слева, ни справа, а она всегда… где-то посередине. Там, где я и сидел – посередине. Среди удач.

Хотя и написала почему-то одна из удач о себе… Рукою Дмитрия Александровича:

МОЯ УДАЧА

Моя удача
Не проживает в элитном доме
Не разъезжает на автомобиле последней модели
Не носит дорогих костюмов
Не восседает в почётных президиумах
Не курит роскошных сигар
Не пьёт эксклюзивных коньяков…
Моя удача
Ходит в городскую баню по субботам
Пьёт пиво с бывшими одноклассниками
Читает стихи студенткам
И улыбается продавщицам цветов.
Моя удача
Не интересуется учётной ставкой и курсом валют
И ходит по воскресеньям в церковь
Только всё реже и реже видится со мной –
У неё ведь есть дела поважнее.

– Дмитрий, а помнится удача первой публикации?

– У-у-у, как же её забыть… – Мизгулин прикрывает глаза. Может быть, мысленно переносится в те прежние свои снега… – Это было чудо.. Да и к тому же в молодые свои годы я и печатался-то, признаться, немного.

– Итак…

– Итак… 1984 год… Первая моя публикация! И не где-нибудь, а в «Молодой гвардии». Представьте картину – февраль, Мурманск… Я в творческой командировке от обкома комсомола… Иду утром по городу. Мороз… Темно ещё… А газетный киоск впереди светится так призывно, тепло и светло… Вижу за стеклом свежий номер журнала… А я туда стихи свои отправлял по

почте… Дайте, говорю, посмотреть…Открываю журнал и – нате вам! Чудо! Мои стихи и моя фамилия над ними – красивейшим шрифтом! Я тут же обежал все окрестные киоски, с десяток, и в каждом прихватил по экземплярцу. Всё взял… А потом ехал сквозь полярную ночь в оленеводческий посёлок Ловозеро и крутил журналец в руках – перечитывая его от корки до корки… Ах, головокружительный запах свежей типографской краски на листах… Счастлив ли я был? Конечно. Другого такого пронзительного чувства я теперь и не вспомню. Я имею в виду от своих публикаций… Помню вот эту журнальную публикацию и самую первую – в газете «Комсомолец Заполярья», в году эдак, как бы не ошибиться, в 1980-м…

– А было их – ох! немало! После первых – имею в виду… Одних только книг более трёх десятков!

– Пусть будут ещё! Слава, чего ж ты там рюмочку отставил – непорядок. Чокнемся вот и делай с нею – что хошь!

Мы слегка уж и покраснели. Запунцевели… Не от вина, конечно. А от теплоты добрых слов и приязни друг к другу. И от того, что у нас в запасе времени – ещё час. А потом они должны ехать в Сургут, а я потопаю к себе – гостиница «Югра».

– Дмитрий, а что за поэтический тайм-аут вы объявили себе аж до 2000 года? Выпускник Литинститута, уже издавший несколько своих книг…

– Я же тоже наивный был… А питерские литераторы наивность не принимают… Мне и в голову не приходило то, что даже для того, чтобы стать членом СП СССР, надо иметь собственный план, а не доверяться чужим мнениям. Хотя бы и дружеским. Тут мой друг Толя Иванен пригласил меня на секцию поэзии. Царствие ему небесное… Но не срослось у нас с этой секцией… Да и не в ней ведь дело, а дело в том, что страна наша вконец забурлила. Надо было жить как-то по-другому, а своё заветное припрятать в надёжном месте до лучших времён. Мне тогда так казалось… Но я и без особых публикаций, сказал уж, писать не прекращал… Знал, что придёт время и созданный объём уже не уместится на моём столе и уйдёт от меня – своим путём… И от этого станет немножко и чужим для меня. Что поделаешь – родительская судьба…

– А потом?

– Встретил в 2000-ом Женю Раевского, издал в его издательстве свою книжку – «Скорбный слух» называется. И затем уехал в Сибирь. В Западную. Сюда. И работал, работал, работал… Растил детей. Жил, бегал марафоны, не пропускал лыжных гонок… Чего себе и сейчас желаю!

– Вот здесь и протрубил вам ваш «Утренний ангел»?

– Почему именно здесь? Мне кажется, он всегда был со мной. Я никогда не отдалялся от нашей православной церкви. Когда спрашивают: «Как вы в церкви?», я не могу понять: «А как вы-то без неё?»

– А как вы вернулись в большую литературу?

– Слышится, как в большой спорт… Уже здесь, в Хантах, нашли меня Андрей Шацков из «Дня Поэзии» и Станислав Куняев с Александром Казинцевым из журнала «Наш современник». Хороший журнал. Их предложение о публикации в журнале я принял с удовольствием. А потом всё встало на свою колею, пошло, покатилось и набрало свою скорость…

– И вы вошли в ведущий пул современной русской патриотической поэзии…

– Разве такой пул есть? И кто там?

– Ваши друзья.

– Надо будет спросить у них на досуге – в каком-таком они пуле?

– Скажите, Дмитрий, а это приносит вам какой-то доход? То есть, публикации, издания своих книг… Их реализация…

– Никакого дохода это не приносит. Для меня вообще литература – это не то место, откуда берутся деньги. Скорее всего – это то, куда уходят деньги. Я открою вам своих секрет – я не умею реализовать своих книг… Тем более, продавать их… Я просто стесняюсь за них… Я даже готов провалиться сквозь землю – когда при мне читают мои стихи…

– Неужели вы считаете их настолько слабыми?

– Нет, дело не в том. Если бы я считал их настолько слабыми, я бы и не печатал их… Как бы вам это пояснить? Мне кажется, что поэзия – это чрезвычайно интимное дело. И функционирует она только при одиноком чтении стиха. Чтении про себя… Беззвучно…

– Но вы ведь прекрасно читаете свои стихи на публике… Я видел, слушал и слышал…

– Читаю. А как же без этого? Как уж можется, но надо ведь напоминать людям о поэзии… Средства – хороши, коль – на благо. Нельзя молчать там, где нужно звучащее слово… Такое чувство возникает в намоленных местах… Не только молитвой, но и стихами…

– Дмитрий, можно я тут прочитаю ваше «В Донском монастыре у надгробия Сумарокова». Оно мне очень нравится… Ей-Пра, мороз по коже…

– А разве я могу вам запретить? – глаза Мизгулина светятся улыбкой, но сам он серьёзен – как налоговый пристав.

– Действительно!

* * *

Примечание: То стихотворение, конечно же, я перечитал. Но не в самаровском ресторанчике, а в своём гостиничном номере. Наверное, в это время Дмитрий Мизгулин всё ещё нёсся на крутом джипе в Сургут. Доверившись своему опытному водителю, он сам, поди, и прикемарил. А я перечитывал его стихи и просто не мог понять – чем он так крепко берёт? Меня, прожжённого ветерана литературных баталий. Меня, сквозь чьи руки прошли километры рукописей всех рангов пишущих людей… И тут я начал о чём-то догадываться… Ведь мы с Мизгулиным практически – сверстники. Мы выросли в одной стране. У нас было одинаковое детство и юность. И он писал – именно о нас. И поэтому я читал его стихи… Я их читал, может быть, и для того, чтобы увидеть самого себя со стороны… Да, читал. И прежних лет, и новые – с журнальных, газетных, интернет-публикаций…

Они были в особенности откровением в виду осенне-уснувшего, ночного Ханты-Мансийска. Где на улицах не виделось уже и редкого прохожего…

«В Донском монастыре у надгробия Сумарокова»

Не узнать Москвы с гравюр старинных.
Разрослась столица вдаль и вширь…
Я вхожу в ветшающий, в былинный,
Позабытый Богом монастырь.

Где могила русского поэта?
Только имя славное хранит,
Времени минувшего примета,
Этот старый, выцветший гранит.

Ну, а впрочем, разве нынче нужен
Этот ветхий, сгорбленный старик
И его неловкий, неуклюжий
И неповоротливый язык?

И кому теперь какое дело,
Что там зрело в мудрых их умах?
Время пролетело, прогремело
И летит вперёд на всех парах!

Нет мгновений даже оглянуться.
Целый мир в туманной мгле исчез.
На ветру пустые ветви гнутся,
Покосился безымянный крест…

Сад воскреснет с новою весною,
Зашумит, исполнен новых сил,
Но гудит тревожно подо мною
Пустота отеческих могил…

Мой Бог! Это же настоящая русская вселенскость вопроса «Быть или не быть?» Как можно было этого не заметить… А, впрочем, кто сейчас что замечает? Но ведь всё равно – капля камень точит… Как решено стихотворение поэтически – это второй вопрос. Но тут во весь рост стоит первый вопрос:

…Но гудит тревожно подо мною
Пустота отеческих могил.

Почему пустота? Почему мы кроме пустоты ничего не слышим? Что с нами? А, может быть, по тому, что…

* * *

Не ощущаем, как когда-то,
Во всём – присутствие Творца.

В эпоху хамства и разврата
Живём в преддверии конца.

Не зная ни причин, ни сроков,
Охотно верим в миражи.
И слушая чужих пророков
Купаемся в потоках лжи.

Бежим за сумрачной столицей,
Которую попутал бес,
И ждём заморских инвестиций,
Как раньше жаждали чудес.

Дополнение к примечанию: Я не успел до этого записать интереснейший ответ Дмитрия Мизгулина на один мой, мне показавшийся несколько каверзным, вопрос. Он будет и здесь весьма к месту. Вношу сейчас:

– Дмитрий, я буквально недавно побывал в монастыре Тихвинской иконы Божьей Матери на Каме, что в Падерах… и знаете, что там обнаружил?

– Интересно, что? Я мог бы что-то сказать о своих догадках, но не буду… Боюсь греха богохульства, прости мя, Господи…

– Я увидел в церковной лавочке ваш сборник стихов «Утренний ангел». Вот что!

– Спасибо, спасибо, – видно, что он не ожидал этого.

– Представляете, в Удмуртии, в далёком монастырце, на отшибе… Стоящем на месте бывшей деревни Падера, что на Сидоровых Горах… Где и братии-то человек десять будет или нет… Я встречаю вашу книгу стихов!

– Чудо! Да, эту книгу я отдал в церковь. Далеко же она пошла! Ай, добрая весть! И Слава те, Господи!

– А другие ваши книги? Наверное, не лежат, как у нас, дома – на балконах, лоджиях или в своих гаражах?

– Лежат, лежат и там. И жена, как и положено ей, ворчит. Но что поделаешь… Коль мы так бездарно разгромили свою отечественную книгопродажу, бибколлектор и иже с ним…

* * *

Есть у Дмитрия Мизгулина очень известное в литературных кругах стихотворение. Я наткнулся на него где-то в сети, но там указания авторства и не было. Поэтому я подумал, наверное, что этот стих – просто чей-то фантом. Потом я услышал его чьей-то цитатой на одном из московских литмероприятий… Но, оказывается, у него, у стиха, автор – есть. И – вот он.

* * *

Пишу, пишу – а толку?
Заклятье над страной.
Даётся легче волку
Общение с Луной.

Какая тишь в округе,
Струится лунный свет,
И недруги, и други
Давно сошли на нет.

Шумят морские воды,
Пространства сумрак сжат,
И тени пароходов
У пристаней дрожат.

Ржавеют кипарисы,
Мелеет водоём,
Давно сбежали крысы,
А мы ещё плывём.

Тут мне без помощи Льва Александровича Аннинского, нашего с Мизгулиным старшего товарища, не обойтись. Вот что он пишет в своём эссе «В ожидании развязки» о творчестве Дмитрия Мизгулина. Стихотворение это написано о грани, перейдя которую можно прийти только к одному – катастрофе. И вот что пишет об этом маститый московский критик: «Какой развязкой может кончиться такое пребывание на грани? Возмездием. Окончательным и бесповоротным! Нет, горше: нескончаемым ожиданием возмездия. Или – возмездий,

от которых не уйти. Предчувствием беды. Или бед, которым не будет конца». К словам мэтра мне здесь более нечего добавить – он всё сказал.

Да, никто не отрицает прогностичности поэзии. Большие поэты всегда предостерегали народы, страны от будущих проблем. Да и от тех, с которыми уже приходится жить... Для этого нужно главное – признание народом на право его предостережения. Так уж получается, что и в жизни и в литературе требуется заиметь право на мнение. Даже если человек говорит только и только правильные вещи, его могут абсолютно не слушать и не слышать... Парадокс? Нет, такова – жизнь.

Слышат ли читатели Дмитрия Мизгулина? А меня? А вас? А помнят ли они, да простят мне Апостолы, предостережения столпов поэтической мысли России Александра Сергеевича Пушкина, Михаила Юрьевича Лермонтова, Федора Ивановича Тютчева, Александра Александровича Блока и др. – мол, люди, оставайтесь людьми, по образу Божиему созданными! Конечно же, нет. Люди – человеки, просто-напросто живут своей жизнью, кто – как может... А поэзия, музыка, живопись, опера... – это воздух души человеческой. Пока он есть, мало кто замечает его. Ведь назначение воздуха в том и состоит, что ему – должно быть. А без Божией души и человека не может быть...

Так мне думалось поздними ханты-мансийскими вечерами с томиком стихов Дмитрия Мизгулина на своём гостиничном столе... Под ритмоперелив его стихомыслей, смею надеяться, понятных мне и понятых мной...

* * *

Зачем и откуда – не знаю,
Да и понимать не берусь,
Пришла эта осень земная,
А с ней – бестолковая грусть.

И только уймутся тревоги,
Открою тяжёлую дверь,
Как светлая пыль на пороге,
Развеется горечь потерь.

Чем дальше с годами – тем глуше
Смиренная эта тоска,
И если желаешь, не слушай,
Как сонно лепечет река.

И как различимее слышен
Таинственный ход бытия,
Как листья заденут за крышу,
Как вздрогнет собака моя.

И этот покой как награда,
Как будто совсем ни к чему,
И что же от жизни мне надо,
Теперь уж совсем не пойму.

А светлые воды струятся,
Лепечут – как плач или смех,
И можно, конечно, смеяться,
Хотя и поплакать не грех.

Вот в этом и есть суть феномена поэтического «шум-шёпот-памяти», о котором писал московский поэт Борис Лукин в одной из своих размышлений на тему стихов Дмитрия Мизгулина. Сказать о главнейшем без экзальтации и надрыва, не могущих поколебать уравновешенную Богом душу, а по свойски. Попроще, попонятнее и от этого и доходчивее. С бережением своей любви ко всему живому и с заботой о ближнем…

Вспоминается мизгулинское:

– Суть нашего русского языка настолько органична и универсальна, что позволяет сказать о самом сложном и самыми простыми словами… Возьмите те же «да» и «нет»… Это же целый мир со своим антимиром. И – наоборот. И насколько философичен наш язык… и всё более проникаясь в него, просто не можется не думать о его божественности. Как там всё стройно, мудро, красиво, удобно и деловито… Я знаю, что это может сказать о своём родном языке носитель любого и другого языка… И это будет верно – при полном моём признании и доверия к его словам. А я буду говорить о русском языке. Как могу – разговором, прозой и поэзией и т. д. И никто меня не переубедит в обратном.

...Вот пошёл по улице одинокий прохожий. Руки засунул в карманы куртки, взгляд – долу. Куда он идёт? Откуда возвращается? Ждут ли его? Бежит ли от кого-то? Что его вытолкнуло на улицу? Радость или нерадость... Я не знаю. И почему-то особо и не интересуюсь об этом. Идёт – так пусть и идёт себе на здоровье.

А ведь это могло бы быть темой стиха... Одинокий прохожий в ночи. Чуть сгорбившийся, не юнец. Не здоровяк и не хиляк. Шаг его – не печатный, а – никакой, просто передвиженческий.

Мне до него, до безымянного прохожего и – дела нет, а Поэзии до всего – есть дело. И от того, наверное, не она нам служит, а мы – Ей. И – это прекрасно! Она может прийти и уйти – не спросясь, потому что легко обойдётся без нас, а мы без неё – нет. Как Дмитрий Мизгулин, так и другие, известные и не очень...

В этом и суть её. Всё же, полагаю, божественная. Даже и притом, что служат ей люди ох! какие разные...

БЕССОННИЦА

Закончен день. Закончен век,
И воцарилась тьма.
С небес струится мягко снег
На сонные дома.

Какой покой и тишина.
Колеблет ветер хмарь,
Мерцает тусклая луна,
Как городской фонарь.

Не спится. В мареве ночном
Бессонницы туман,
И сон, и явь в дыму печном
Закружит свой обман.

Промчится вихрем перемен
Похмельный хоровод,
Опустошат ветра измен
Высокий небосвод.

Из бытия в небытие,
Взорвав последний мост,
Летит сознание моё
Среди погасших звёзд.

NOTA BENE: Знаете, мой уважаемый читатель, вы, конечно же, заметили, что в моём тексте стихи Дмитрия Мизгулина даются в полных формах. У меня просто рука не поднимается аргументировать свои мысли цитатами из стихов поэта. Живой стих – это есть живой организм. И резать по живому – нельзя. Пусть уж препарацией его занимаются иные специалисты (паталогоанатомы, филологи и др.), а поэт в отношении своих размышлений о стихах другого поэта – этого делать не может. Он сам знает – насколько сильна боль купирований при цитированиях…

И к тому же, мы хорошо знаем, что наш читатель не всегда может найти указанное стихотворение. Сразу или потом… Так пусть наша беседа с читателем уже сразу оформится – на равных. Он будет знать – о чём я говорю… И, может быть, это и будет форой к его доверию пишущему.

* * *

Что мне осталось зарубкой на память от дня ушедшего? Ах, сколько уж этих зарубок… Или колец на древе моего прошедшего дня…

– Дмитрий, – спросил я, каюсь, с некоторой бестактностью, – что для вас деньги?

– Деньги? – Дмитрий даже несколько удивился, взлетели его брови (мол, о чём это ты… ведь всё ясно – как божий день), но тут же ответил: – Это материал моей работы. Кожевник работает с кожей, крестьянин с зерном, плотник с деревом, сталевар с рудой и т. д. Моя профессия – работать с чужими деньгами… Отношусь к ним спокойно, без какого-то трепета. Как врач даже. У денег есть большой плюс – они дают возможность помочь кому-то… Деньги дают определённую свободу, но не свободу от ответственности, а простое расширение люфта возможностей… Деньги надо беречь, но смысла жизни они не составляют… Интересный ты мне вопрос задал, надо будет и об этом как-то почесать свою макушку…

Аэропорты, вокзалы… О том, что писали о стихах Дмитрия Мизгулина. О повелительном наклонении. О зиме со стихами Дмитрия Мизгулина. О моём новом прибытии в Югру на получение «Югры». Об отменённой встрече с Дмитрием Мизгулиным. И не только об этом…

А утром мне пришлось вставать рано – кажется, я снова перепутал часовые пояса. Чертыхаясь бреюсь и в это время звонок из ресепшн – мол, машина в аэропорт уже ждёт вас… Так, вещи бросаются в сумку, книги – в пакет. Полсекунды – присесть перед дорогой, на удачу. Оглядываюсь вокруг – ничего не забыл, но оставил здесь три сутки из своей жизни. По делу, по душе…

Ах! Сколько уж в моей жизни этих впопыхах оставленных гостиничных номеров. Пусть будет их ещё больше… Остэ Инмаре! Хвала тебе, Боже! А Бог велик, он знает все языки. И удмуртский – тоже…

Теперь – вниз. Заспанная девушка-портье посмотрела сквозь меня и кивнула головой в ответ на моё прощанье. До свиданья, красавица!

И вот я в ханты-мансийском аэропорту. Теперь уже в накопителе, в ожидании своего рейса на Первопрестольную. А оттуда на другой самолёт – домой.

Я смотрю на людей, которые, как и я, сегодня – в пути… Мужчины – пожилые, молодые, приятного вида и не очень… Девушки и дамы – молодые и не очень, красивые и не так уж чтобы… Половина из них уткнулась в свои гаджеты – слово модное, гадкое. Не из того, что противное. Гады ведь тоже имеют своё обаяние. Те же змеи, к слову… Фу… Вот и обвивают, обвивают они человека. И никому нам и в голову не придёт… – что не создавал нас Творец с гаджетом в руке. А ведь ныне у некоторых тот самый гаджет уже давно сросся с ним самим…

И что это я? Наверное, всё же не выспался… Это бывает перед дорогой.

Каждой дороге надо читать панегирик – угодить дорожному Духу. Это мне ещё и моя матушка советовала, ей-Пра… Возьмём-ка стих Димитрия Ляксанча… Ау! Вы, наверное, ещё спите, а тут уж читают вас…

* * *

Судьба помотала немало:
В каких только не был местах!
Полжизни прошло на вокзалах,
Полжизни – в аэропортах…

Урчат недовольно турбины,
Колёса на стыках стучат,
Немые просторы чужбины
По волнам неистово мчат.

Не чувствую жали и боли,
Отринув усталости страх,
То лесом, то морем, то полем
В остывших паришь небесах…

Летя сквозь ночные метели,
Неистово Богу молись,
Чтоб мимо спасительной цели
В беспамятстве не пронестись…

…И вот мы взлетаем. Летим, летим, летим… Моей соседкой оказывается приятная на вид медсестра из Горноправдинска. Летит на родину, куда-то в юго-западные русские области – проведать родову, провести часть отпуска («большую часть уже дома отгуляла… – всё по хозяйству»). Когда она узнает, что я – писатель, аз есмь грешный, то тут же сообщает – мол, у них в городке тоже жил писатель, работал в школе, но недавно уехал.

– Не Козлов ли Сергей Сергеич? – спрашиваю я.

– Он! – всплёскивает она руками. – Говорят, сейчас он где-то там, наверху…

– А мне думалось, что это мы сейчас с вами – наверху! Высота десять тысяч метров! Шутка ли! – смеёмся мы уж вместе.

Хорошо всё-таки быть наверху. Далеко тебя видать… Но лично мне на земле лучше… Вот и опять тут в левом ухе засвербило… – самолёт уже шёл на посадку…

* * *

Такая вот работа:
Всю жизнь – туда-сюда,
Ночные самолёты,
Ночные города…

Полжизни расплескалось
В чаду случайных встреч.
И что теперь осталось?
И что теперь беречь?

Не мучаюсь напрасно
Об участи такой.
И звёзды в небе ясном
Сверкают надо мной.

Насквозь промёрзшим небом
В морозном вихре мчусь,
Закусываю хлебом
И Господу молюсь!

Да, кто не летал, тот Бога не видал, вспомнилась мне фраза моего соседа – пенсионера, бывшего гражданского лётчика. А ведь Дмитрию Мизгулину приходится очень много передвигаться, в особенности на самолётах. Тут уж и, само собой, верующим будешь. Я запомнил эту мысль, сверкнувшую во мне тогда – небесным серебристым инверсионным следом, увиденным мною из окна ижевского такси, вёзшего меня наконец уже домой. Таксист-удмурт был сдержан, да и меня на беседу не тянуло. Дорога поставила, оставила во мне много вопросов. И как уж их теперь разрешить? Хотя бы их часть… Надо подумать…

А сейчас мне хотелось с самим собой покумекать о повелительном наклонении в стихах Дмитрия Мизгулина. Повелительном или лучше сказать – побудительном. Может быть, это и не совсем – одно и то же. Но в них обоих применяется форма глагола с обращением к исполнению. Классический пример:

* * *

Пиши, пиши, писатель,
Покуда хватит сил,
Уж раз тебя Создатель
Талантом наградил.

Всегда и всюду лишний,
Но не переживай,
Уж раз тебе Всевышний
Открыл Грядущий рай.

Вздыхая сумрак скверны,
Беги пустых похвал,
Покуда Милосердный
К ответу не призвал.

В лучах коварной славы,
В круговороте дел
Молись, чтобы лукавый
тебя не одолел.

Бесовских игрищ зритель,
Не забывай Христа,
Уж раз тебе Спаситель
Слова вложил в уста.

Между прочим, такого рода стихов, с применением прямо таки и повелительного наклонения, у Дмитрия Мизгулина немало. Но не будем уподобляться литературоведам с дипломами и приписывать поэту некую менторскую ноту в его творчестве. Это будет легче всего, благо и фактура – нате вам… Но в том-то и дело, что нет в его творчестве поучающих нот. Допустить такую мысль в отношении стихов, творчества Дмитрия Мизгулина было бы большим промахом. Тогда к кому же он обращается со столь побудительной нотой? Я думаю, что – к себе. И к тому, кто это поймёт, что он обращается – к себе, как к одному из нас. Таких людей, понимающих это, откровенно говоря, никогда не бывает в избытке. Людей, ощущающих волну поэтического к ним обращения. Настоящий читатель, вы уж простите меня, но – товар весьма штучный. Вот его и ищет автор. Вот с ним он

и беседует о самом сокровенном. А коль он задержался в пути, то пока – с самим собой. Ведь настоящий читатель всё равно услышит. Если не сейчас, то – чуть погодя…

Каждый человек каждую минуту беседует с самим собой. Говорят, что это – мышление. А мне думается, что всё же и есть в человеке «первый – я» и «второй – я»… Как день и ночь, как белое и чёрное… На левом плече – один, на правом – другой… И они беспрестанно дискуссируют друг с другом.

Вот и обращается поэт Мизгулин к одному из своих «я» – с самыми жёсткими требованиями, без спуска… А иначе нельзя.

А, может, это такая форма совета самому себе – как положений жизненной лоции? И сопричастности другим жизненным линиям? Мировоззрению, менталитету…

Немало стихов у Дмитрия Мизгулина с побудительным призывом – «сделаем, сосчитаем, устроим, примерим…» и т. д. Я думаю, что их мотив тот же – обращение к самому себе… Но есть и другая весьма ходовая у автора форма глагольности, своего рода поэзо-констатационая – «забываем, теряем, не вспоминаем, теряем…» Может, быть это реверанс читателю или братское похлопывание по его плечу – мол, такие уж вот мы с тобой… Мы. В поэзии это очень тонкая форма обращения к читателю. Если она отрабатывает свою суть – всё получается отлично, хотя это бывает редко… Но если – нет, то это может тут же отдать запанибратством, в корень убивающим стих…

Ох! по тонкому, тонкому льду ходит проходит иной раз наш поэт… Но ведь проходит…

* * *

Когда-то Солнце было Богом
Теперь и Бог ничто для нас,
Хоть равнодушно на Природу
Ещё взираем мы подчас.

За поколеньем поколенье
Теряем связь с родной землёй.
Что ждёт нас? Гибель ли, спасенье,
Небесный рай иль ад земной?

Как бедный путник, поневоле
В последний путь иду, спеша…
Но ищет, ищет ветра в поле
Моя бессмертная душа.

Великолепно! Право-Слово! Вот где она – загадочная русская душа, ищущая своего ветра в поле. И от того – бессмертная. В двух строках – сотни диссертаций… И море крови с океаном пота, пролитого на этом поле всеми поколениями… На поле, живущем в нехватке всего. В том числе и поэтов. Особенно поэтов, даже и при немалом их историческом обилии и выдающести некоторых фигур… Поле – как Жизнь…

Примечание: Многие стихи Дмитрия Мизгулина не имеют названий… Три звёздочки наверху и – всё… Отчего бы это так? Я видел, что многих журналистов почему-то очень интересовал этот вопрос. Лично я воспринимаю это совершенно нормально. Нет – так и нет. Никто ведь ни у кого не спрашивает – почему он родился рыжим, тёмным или светлым? Дело это – Богово. Наверное, и стихи тоже рождаются уже изначально только со своим природным лицом необщего выражения… Отсутствие названия тоже входит в эту характеристику.

Хотя я где-то читал, что сам Дмитрий Мизгулин ответил на этот вопрос так – мол, стих уже и сам как название. Название чувства. Хороший ответ.

И тут нам не обойтись без одного весьма примечательного, как бы его сказать, пункта. Помнится, в своё время я задавал Дмитрию Мизгулину свои какие-то вопросы, весьма тактично, неназойливо – ясное дело. Он отвечал также, но тут же добавлял – мол, об этом он уже говорил там-то и там-то… Нередко называл и названия изданий… Ну, а если я слегка начинал настаивать о более плотном разговоре, то в таких случаях он совершенно искренне, необидно удивлялся. Так что же, дескать, на это только нам время терять? «Ведь в моих книгах уже всё и обо всём моём рассказано-сказано и пересказано… Зачем тебе выслушивать мои ответы, которые тебе покажутся клише?» – участливо спрашивал он меня. И теперь уже я не мог найти ответ на его вопрос. Хотя мне и хотелось сказать о том, что мне нужно рисовать своего героя повествования именно моими красками чувств и т. д.

Ощутить его дыхание. Узнать о нём что-то новое, такое, что могу увидеть только я сам, будучи рядом…

– А сказать же по сути, дорогой Дима, – сказал уж я однажды, – вы мне очень интересны… Как поэт и т. д. Личность. Таких как вы, я не встречал… Для меня Мизгулин – это Человек!

– Ты мне – тоже, – развёл руками Дмитрий, – но нет времени… Просто его – нет. И всё… По нашей поэзии мы же ясны друг другу – как день. И всё, что нужно литературного обо мне – всё это в открытом доступе. Мои книги, интервью, Интернет… Я там всё сказал и что мне ещё добавить сейчас? Если я буду чем-то нов в своей поэзии, ты об этом первым и узнаешь. Оттуда же – из моей новой книги, интервью, Интернета… А времени – нет… Богат ведь не тот, у которого мошна туга, а тот у которого – всё впереди. А у нас с тобой, наверное, не всё уже впереди… Многое уже и прошло…

– Мне, наверное, этого не понять, – почесал я затылок, – мне кажется, что мы что-то копим и копим именно для того, чтобы поделиться этим… К слову, те же чувства, впечатления – для задушевного разговора… В чём смысл бесконечного, беспередаточного накопления – догнать и перегнать самого себя? Нет, не пойму…

– Да и не надо понимать. Судьба это… Никому не пожелаю того цейтнота времени, в котором я живу, – без никакой рисовки сказал Дмитрий. – Знаешь, Слава, мне тут вспомнилась история про величайшего певца Вадима Козина.

– Да, да…

– Так вот. Козин – легендарная личность в истории всего мирового музыкального искусства и любимец всех советских людей. Да и не только… Он прожил большую жизнь, пережил массу невероятных взлётов и падений. Знаешь ведь… После второй отсидки в тюрьме так и остался жить в Магадане… И говорят, что в 90-е годы группа его поклонников, коллег, там был и Кобзон, решили провести ему творческий вечер в Магадане. Шуму было много. Народ – собрался, а Козин – не пришёл… Он пожалел своё время…

– А что он делал?

– Не знаю. Может, мемуары писал… Не знаю, но что-то, наверное, делал очень важное для себя… Слава,

я понимаю в данном случае эта история, может быть, и не совсем была уместна, но я просто хотел сказать только об одном – вот нету времени и – всё! Не обижайся.

– А академик Лихачёв говорил, что нет на свете ни одного человека, у которого нет свободного времени… – я попытался парировать.

– Вот именно – свободного…

– Как в вашем стихе…

* * *

Жизнь уходит понемногу,
День прошёл – и, Слава Богу,
Как вода в реке.
Наши чувства, наши думы,
Словно след волны угрюмой
На речном песке.

Грузим душу, чем попало.
Очерствела и устала
Бедная душа.
Может быть, остановиться,
Осмотреться, помолиться
Тихо, не спеша..?

Молим Бога об удаче.
О достатке. А иначе
Что ещё просить?
А душа? Душа в сомненье,
Ведь пора бы о спасенье
Слёзно голосить!

С Богом и легко, и просто!
Лодка. Церковь у погоста.
Тёмная река.
Чайки кружат над водою,
И с тревогою немою
Мчатся облака.

Да, о Мизгулине много написано и опубликовано. В нашей стране и за её пределами – тоже… Его полюбили переводчики. Значит, они безошибочно находят

в его творчестве нечто созвучное их душам – близкое, понятное и принимаемое. Одних только переведённых на другие языки вышло у Дмитрия Мизгулина за порядочную дюжину.

Есть отдельные издания его книг на французском, английском, сербском, чешском, украинском, греческом, венгерском, болгарском, татарском, белорусском, азербайджанском, немецком и других языках. Не будем вдаваться в волшебную технологию переводческого дела, но сказать главное – обязательно нужно. О том, что настоящий перевод – это совместное сопереживание переводчика и автора самых корневых событий их размышлений о жизни. А если его нет, то и перевод будет – не тот. Это – аксиома… Ах, переводчики – «почтовые лошади просвещения…» Александр Сергеевич, может быть, хотел сказать «извозчики просвещения», но – что уж есть.

Я и сам переводил Дмитрия Мизгулина и хорошо знаю, что его стиль письма весьма уважителен к переводчикам. Каждый его стих имеет чёткий стержень, на который, извините за проффизиологию, нанизан текст. Повествование зиждется на сразу ощутимых линиях каркаса мысли. Главное – ощутить этот каркас, взять его в руки – как невод, и текст сам придёт к тебе в руки. Для этого нужно очень чутко слушать звукопись стиха Дмитрия Мизгулина, вот она и подскажет верное решение переводческой проблемы.

Но не буду более нагромождать вас своими переводчески-кухонными подробностями, о них некоторые даже и диссертации пишут. И не только пишут, но и успешно защищают. А вам, дорогой мой читатель, я просто открою главный секрет переводческого дела. Если его знаешь, то уже знаешь о переводческом деле – всё. Так вот, в основе переводческого дела стоит уважение переводчиком к произведению автора. Вся удача или неудача зависит только от этого или в первую очередь от этого.

Дмитрия Мизгулина переводили на свои языки настоящие мастера художественного перевода. Среди них известные мне: венгерская переводчица Надь Каталин, эстонский переводчик Валтон Арво, болгарская переводчица Елена Алекова, азербайджанский переводчик Мамед Орудж и др. Одни эти имена уже сразу утвержда-

ют, что уровень их работ – весьма высок и профессионален. Их имена – это гарантии достойных работ.

А пока я просматривал то, что писалось когда-то о Дмитрие Мизгулине. Очень интересные работы. Есть среди них и спорные, но в массе своей это люди очень деликатного стука в творческую дверь поэта. Среди имён, писавших о стихах Дмитрия Мизгулина: Станислав Куняев, Юрий Лощиц, Михаил Рябий, Сергей Козлов, Княз Гурбанов, Нина Ягодинцева, Юрий Перминов, Александр Чистяков и очень многие другие… Да простят меня те, кого я не назвал. У Мизгулина, как он сказал, нет времени, а у нас здесь – площади… Но мы вас однозначно читали и будем читать вас, ей-Богу!

А вот о чём поговорил Александр Казинцев с Дмитрием Мизгулиным на страницах журнала «Наш современник» в сентябре 2011 года. Статья имеет название важное, официальное – «Беседа Александра Казинцева с Дмитрием Мизгулиным – поэтом, банкиром и депутатом». Но средь выдающихся и других разных ипостасей мизгулинских, а также и его добродетелей на первом месте здесь – поэт. Статья очень выверенная, можно сказать, чисто имиджевая. Разговор тут идёт обо всём: о феномене поэта-банкира (по ракурсу: банкир и – поэт? поэт и – банкир?), о поисках нравственных корней, о биографии данного поэта-банкира… Примечателен ответ Дмитрия Мизгулина на вопрос Александра Казинцева относительно нашего ментального отношения к существующей власти. Вопрос не касается прямо этого аспекта нашей жизни (он касался выборов), но Дмитрий Мизгулин отвечает на него по собственной партитуре: «Я убеждён, что русский человек имеет совершенно другое эмоциональное отношение к власти, чем человек европейской культуры. На Западе власть – это посредник между людьми. В России такого никогда не было. Власть собирала дань с народа, а народ в своих бытовых, житейских делах к власти не обращался. Он соединялся с нею только в крайних случаях, прежде всего во время войны. В остальное время власть воспринималась как аппарат подавления. Парадокс, но власть нашему народу в повседневной жизни не нужна. Она нужна только тогда, когда приходит пора защищать Отечество. Во многом и судебная власть была чужда людям, они подозревали обман в решениях судейских чиновников –

шемякин суд, одним словом. В основном реальную судьбу человека, крестьянина решала община – кого выдавать на расправу власти, кого нет. Помните, как у Есенина в „Анне Снегиной“: „На нашей быдластой сходке мы делу условили ширь – судили, забили в колодки и десять угнали в Сибирь“. Поэтому к власти народ наш всегда относился как к внешней и часто чуждой силе…» На что интервьюер восклицает: «А ведь это очень опасно!» В совершенный унисон протокольности стиля беседы.

Одним словом, очень нужная статья. С щекотливыми местами прямых упрёков всем, в том числе и власти – на фоне её внутренней и внешней политики. Но в конце беседы Дмитрий Мизгулин отказывается поделиться своими творческими планами… М-да. Говорит: «Хочешь рассмешить Бога – расскажи ему о своих планах…» Вот никто не говорит нашему Богу о своих планах, то он и суров. И с виду, и – вообще… Ох! строг… Ан рассказывали бы ему побольше о своих планах и он бы заулыбался, засмеялся. Глядишь и повеселел бы, а с ним и наша жизнь стала бы повеселее… Эх-ма! Хотя и…

* * *

В церковь ходим и крестим лбы,
Потому что боимся смерти,
Потому что боимся судьбы –
Непонятной её круговерти.
От житейских уставши битв,
Скорбно Слову в храме внимаем
И родные слова молитв
С удивлением понимаем…
И на ощупь идя впотьмах,
В отрицанье не знаем меры,
И гнетёт нас, сердешных, страх,
И в сердцах не хватает веры…

А вот статья Андрея Фатеева «Дмитрий Мизгулин: беда не в дорогах и не в дураках». Вышла в 2011 году, в газете «Тюменские известия». Здесь приводятся интереснейшие факты из биографии Дмитрия Мизгулина. И тон всей публикации – пружинист, даже и местами пробивающимся лёгким озорством. Но в общем говорят

тут, конечно же, о делах весьма серьёзных. Хочу сделать свой акцентец на таком месте… Дмитрий Мизгулин после политико-банкирских вопросов отвечает на творческий. Вопрос, касающийся его первых публикаций…

«…Свою первую книгу я готовил к печати несколько раз. Сначала она называлась „Неоновое небо“, это был 1983-й. В неё вошли юношеские стихи. Потом работал над книгой „География души“ – её тоже высыпали из набора, уже по причине финансового кризиса… К сожалению, мои ранние рукописные романы – о французской революции и восстании Петра Болотникова – сгорели дотла, как у Гоголя… Меня всё время тянуло к истории, философскому осмыслению жизни.

– Не отсюда ли столь философское отношение к самой жизни?

– Кто-то из великих сказал: если не можешь изменить жизнь, измени к ней своё отношение. Поэтому я всегда трезво смотрел на жизнь. А потом, что значит философски? В жизни есть какие-то принципиальные вещи, когда ты должен стоять насмерть. Ты сам для себя очерчиваешь рубеж – не воруй, не предавай! – который не можешь перейти в своих убеждениях. Всё остальное – дело вечного компромисса».

Вот так! А ларчик просто открывался… И особенно под чтение стиха, ставшего в творчестве Дмитрия Мизгулина совершенно хрестоматийным. Я имею в виду – в литературных кругах… Название данного интервью перекликается с названием этого стиха Дмитрия Мизгулина:

* * *

Беда не в дураках и не в дорогах,
А в том, что потеряв свой путь в глуши,
Мы с покаяньем не взыскуем к Богу,
Не веруем в бессмертие души.

То плачем, то смеёмся без причины,
Не ведаем ни правил, ни основ,
И гнёмся, как осенние осины,
Под сумрачным стенанием ветров.

Не разбирая глупости и вздора,
Завидуя судьбе заморских стран,
Мы превозносим то глупца, то вора,
Устало вперив взор в телеэкран.

А он горит голубоватым светом
И, кажется, едва чадит при этом.

А вот тут мне понравилось предисловие… В интервью Алексея Лбова в журнале «Новая Югра» от августа 2009 года:

«Дмитрий Мизгулин пишет прозу и стихи, воспитывает четверых сыновей (примеч: теперь есть и пятый ребёнок – дочь), находит время для занятий спортом и иногда любит побыть в одиночестве. Победитель целого ряда всероссийских и международных профессиональных конкурсов. Человек, который дал толчок динамичному развитию Ханты-Мансийского банка и уже девятый год занимает пост его Президента. А ещё он руководит комиссией по бюджету, финансам и экономической политике Думы Югры, является почётным консулом Чешской республики и совмещает в общей сложности более 70-ти различных общественных должностей. Дмитрий Мизгулин регулярно общается с журналистами, но о себе рассказывает довольно редко, считая, что человек, которому другие доверяют деньги, должен оставаться загадкой».

Предисловие чёткое, сжатое, пружинистое, не без лёгкого кокетства. Американский стиль.

Здесь очень чётко выставлено гражданское кредо поэта: «Уже сейчас нам всем нужно понять, что во главе угла всегда должен стоять человек, а не нефть, не газ и не нанотехнологии… Если мы научимся строить мосты от человека к человеку и будем развиваться в этом направлении, то через десять, двадцать и тридцать лет в России всё будет хорошо. Если же ничего не делать, то мы рискуем получить мину замедленного действия, которая рано или поздно рванёт».

Я совершенно солидарен с Дмитрием Александровичем. Если человека отставить от глав угла решаемых проблем, то всё практически лишается смысла. К слову, зачем строить школы, бассейны и т. п., если там некому будет учиться, плавать… И к чему уничтожать всё живое,

когда на этом зарабатывает только маленькая кучка людей… У которых и дети-то все уж за границей… А ведь они именно нас лишают гармонии жизненного счастья. Нас, наших детей и внуков…

Примечание: Когда я читаю такие интервью людей далеко не бедных, пусть хоть и заработавших своё состояние собственным, каторжным трудом, меня, россиянина, берёт некоторая оторопь. Мне сразу приходит в голову мысль – мол, если так говорят даже такие высокопоставленные особы, то, что им стоит тут же, буквально с после обеда, волевым решением – изменить всю нашу жизнь. Почему бы нет? Ведь такие люди – это не мы… Пускай, хоть нас будет и тысячи тысяч… Наивных и бестолковых.

Но вопрос остаётся в риторике. Тут без стиха не обойтись:

* * *

Живу предвкушением чуда,
Застыв у беды на краю.
А рядом – заклятый Иуда
Готовит измену свою.

Не строит улыбчивой рожи,
Не прячет козлиную стать,
И думает – как подороже
Остатки державы продать.

Пусть будет прозрение поздним,
Пусть будет печальным итог,
Останутся небо и звёзды,
Останутся Солнце и Бог.

Да вечное русское поле,
Где ветер гуляет на воле.

А тут и вообще – жемчужинка! Право слово!

В интервью Ольги Моториной, опубликованной в «Литературной газете» от 1 июля 2009 года. На вопрос журналистки: «Чем бы вы хотели заниматься, если бы представилась возможность сменить сферу деятель-

ности?», Дмитрий Мизгулин отвечая, словно парируя большой теннисной ракеткой: «Лежал бы на диване, читал книги и смотрел канал „Дискавери“. Но если честно, привык жить в поле большой активности и никуда от этого не денусь. Я учился на финансиста, мне это нравится, и здесь я могу приносить пользу, поэтому не хотел бы менять род деятельности. Я же служащий, а не владелец бизнеса. А там как Господь распорядится».

…Листаем дальше. Андрей Рябов в интернет-газете «Югра-Информ» от 27.11.2013 года возвёл Дмитрия Мизгулина в сан жёсткого прагматика с нежной душой. Это, наверное, как-то скрестив, скажем, орла с соловьём… Может, это тонкий намёк на трансформеров. Всё может быть…

А Владимир Скворцов в журнале «Невский альманах» от сентября 2011 года изрёк такую сентенцию в адрес Дмитрия Александровича: «Своим литературным творчеством Вы повторяете подвиг государственных деятелей: Державина, Бенедиктова, Вяземского…»

Примечание: Кстати, о князе Петре Вяземском. Бесспорно, что это – выдающаяся историческая личность. И, как и положено выдающемуся человеку, – он весь слеплён из противоположностей. Массы плюсов и не меньшей массы минусов – но не нам судить… О нём есть великолепнейшее, я бы позволил сказать себе, просто кинематографическое (не в укор, а наоборот…) стихотворение Дмитрия Мизгулина, которое он прочитал мне совершенно по памяти у себя на квартире – за чашкой чая. Полный текст! Итак, речитатив:

ВСТРЕЧА

Судьба испытывает дважды,
И дважды ты ответ давал.
В Париже Вяземский однажды
Был зван на некий важный бал.

Сообразуясь с политесом,
Стоял, как маршал на плацу…
И вдруг, о Господи, с Дантесом
Столкнулся он лицом к лицу.

Под сводами блистали свечи.
Дробился в хрустале огонь.
Дантес обрадовался встрече
И князю протянул ладонь.

О чём подумал князь – не знаю.
Быть может, стал припоминать,
Как бедный Пушкин, умирая,
Шептал – просил морошки дать.

А за окном – дождливый вечер,
Парижских улиц мерный гул…
И Пётр Андреевич навстречу
Помедля, руку протянул.

А пары в танце мимо, мимо…
Бокалов пенных гулкий звон…
Не так уж труднообъяснима
Распавшаяся связь времён.

Мы духом вознеслись в победах,
Окрепли в горе и любви,
Но некого винить нам в бедах
И в смутах русских, и в крови…

Да, мы обречены на муку,
Нас презирают все вокруг –
Ведь твоего убийцы руку
Смущённо жмёт твой старый друг.

Примечание: Помню, шли мы поздним вечером на квартиру Дмитрия Александровича. Ещё кое-где виднелся уже и не ядрёный снег, а просто его прошлые ошмётки. Была ранняя весна. Мы говорили о том, о сём, и ни о чём. Но внезапно линия нашей беседы чётко встала на свой курс. Мы заговорили о мифологии и мистификациях…

– Разве день прошедший может быть ясно очерчен, если даже прожившие его рядом пять, шесть человек го-

ворят о нём абсолютно разное. Вплоть до того, что один говорит – был ветер, другой – не было ветра, третий – был ураган, четвёртый – светило Солнце, а пятый – вообще на улицу не выходил и ничего не видел… – я почему-то вдруг разгорячился.

Дмитрий даже посмотрел на меня с удивлением, но – лишь секунду. Удивления – не его конёк.

– Вот мы сегодня говорили об Александре Данилыче Меншикове, – продолжил я.

– Разве? – удивился Дмитрий, – ну, ну…

– Так вот, – я как-то оторопел, ведь говорили же, – мы знаем его только по роману Алексея Толстого, – а кем он был? А ведь в некоторых источниках прямо-таки расписываются обозные телеги, в которых он выводил финансы из страны…

– Ну у соседа и кура с корову, – засмеялся Дмитрий и тут же посерьёзнел, – а что натворила молва с тем же Петром Чайковским, нашей гордостью. Русским человеком, который весь мир обновил своей музыкой?

– Кстати, родился в 50 километрах от моего дома, в городе Воткинске.

– С чем я тебя и поздравляю! Все эти небесного цвета пересуды о нём… По-моему – это просто расправа над гением. Заметь, Слава, жизни наших гениев практически все уже, можно сказать, хронометрированы. Почти в часах… Современниками, последующими поколениями… А вся «слава» Чайковского зиждется только на словах царя – мол, много в России задниц, а Чайковский – один. И т. д. Но нет ни одного заслуживающего доверия документа, где бы говорилось о приписываемой Петру Ильичу нетрадиционной ориентации. Здесь травля гения произошла не только от того, что обыватель хотел его приблизить до своего животного уровня… Нет, это, я считаю, произошла диверсия на русского гения…

– А Пушкина? О якобы 118 женщинах, с которыми он, будто бы по свидетельству его самого, имел связь? Может и имел, но не стал бы он об этом говорить…. И будто бы это было написано рукой самого Александра Сергеевича в журнале супруги опять-таки того же Петра Вяземского? – мне оставалось только развести руками. Моего университетского филологического образования тут явно не хватало…

– Мне тоже в голову не может прийти то, что блестящий дворянин, потомственный, которого с детства замесили на восприятие мира через призму дворянской чести и достоинства, мог это, – отмахнулся Дмитрий, – ведь этого даже мы не делаем.

И мы с негодованием, впрочем и скоро забытым, прошли через арку и вскоре подошли к парадным дверям его дома. То есть квартиры в многоквартирном доме с повышенными, как и должно быть, удобствами… Говорят, там даже есть квартиры с двумя этажами… Наверное, подумал я, там живут самые достойные люди Югры. Честь и слава им… Как говорили в советские времена: по труду и – почёт.

Мне когда-то приходилось бывать в гостях у Марии Кузьминичны Вагатовой, настоящей легенды Югры. Поэта, артиста, просветителя и очень доброго человека. И, по-моему, у неё жильё тоже было нестандартным, не нашей планировки, а вот сколько там было этажей – два или три, вот и не вспомню…

Звёзд над ночным Ханты-Мансийском не виделось. Стояло некое напоминание лондонского смога. В такие поры особенно грустится о тепле, о доме… О детях… А лучше всего сесть на диван с хорошей книгой, полуприкрыться пледом и – читать…

– Люблю читать, – как будто бы услышав мои мысли, сказал Дмитрий. Ей-Пра, мистика! – а ещё люблю послушать оперу… Смотреть тоже. Настоящую, классическую…

При этих словах голос Дмитрия потеплел чуть ли не до звука оперных арий. Но петь он не стал…

* * *

В самом конце зимы я получил письмо от помощницы Дмитрия Мизгулина. Оргкомитет Международной премии «Югра» приветствовал меня с лауреатством и приглашал на получение литературной премии – «За пропаганду и переводы финно-угорской литературы». Формулировка была довольно неожиданной, с некоторой странностью, но – дарёному коню в зубы не смотрят… Я был рад, рад и сегодня – и таить тут нечего. Эта премия за последние десяток лет органично и

достойно вошла в литературно-культурную жизнь нашей страны, знают о ней и за рубежом… Быть отмеченным лауреатством этой премии – честь. Неангажированность этой премии, как знака настоящего признания литературных трудов автора, привлекает к ней пристальное внимание всех любителей художественного слова – и читателей, и писателей… О ней знают, о ней разговаривают, жюри премии – литературно весомо. Лауреатами «Югры» в разные годы были – Юрий Поляков, Глеб Горбовский, Валентин Распутин, Юрий Вэлла и многие-многие другие талантливейшие российские авторы. Есть в «Югре» номинации и для зарубежных авторов – ежегодно. Международной премии «Югра» – многая лета!

С бравурным маршем я направился, полетел в столицу Югры для получения «Югры». Мыслями я опережал полёт серебристого авиалайнера, так медленно летевшего сквозь вату белых облаков – застыл что ли… Ах, Сибирь, Сибирь – и большая же ведь ты… Была ещё одна, очень хорошая причина нашего писательского ханты-мансийского сбора. По инициативе и под кураторством Ольги Власовой была издана книга стихов Дмитрия Мизгулина «Когда-то Солнце было Богом…» Подобной книги, по-моему, история мировой литературы ещё не знала. Дело в том, что в этой книге были собраны воедино переводы стихов автора практически на все письменные финно-угорские языки. В этом проекте приняли участие почти два десятка переводчиков на финно-угорские языки мира. Стихи Дмитрия Мизгулина были переведены на венгерский, вепсский, карельский, коми, мансийский, марийский, удмуртский, финский, эрзянский, эстонский языки… Среди переводчиков – Николай Абрамов, Наталья Антонова, Вячеслав Ар-Серги, Еремей Айпин, Мария Вагатова, Евгений Валериан, Александр Данильчев, Арво Валтон, Светлана Динисламова, Зоя Дудина, Ольга Жукова, Кристина Коротких, Валентина Мишанина, Надь Каталин, Юван Шесталов, Евгений Козлов, Кристина Коротких… Кажется, никого не забыл. А то ведь переводчиков почему-то не особо вспоминают… Это надо прекращать – переводчиков надо знать и любить. Что бы мы делали без наших литературных толмачей? Наших «почтовых лошадей просвещенья…?» Им – респект!

В этом году лауреатами «Югры» были признаны – Владимир Скиф (Иркутск), Игорь Шумейко (Москва), Виктор Буланичев (Барнаул), Игорь Изборцев (Псков), Николай Шамсутдинов (Тюмень), Владимир Андреев (Нижневартовск) и Вячеслав Ар-Серги (Ижевск), аз грешный. А в номинации зарубежной литературы лауреатами стали Ярослав Голоубек и Карел Сыс (оба из Чехии). В Ханты-Мансийск прибыли лично все лауреаты – с уважением к хозяевам, чтя писательские этикет и этику.

...Народу в Главной библиотеке Югры собралось немало, вернее сказать, много. Мест для сидений в зале заседаний не хватило, люди стояли в открытых дверях.

Вручали премию «Югра» – Дмитрий Мизгулин и директор Департамента культуры ХМАО-Югра Надежда Казначеева. Вела церемонию мероприятия сотрудница библиотеки – Мария Николаевна Мадьярова. Вожжи в её опытных руках держались жёстко, ощутимо, но не больно... Все лауреаты всё же сказали – своё, хотя потом и сетовали – мол, наступили на горло их песне... Но что уж поделаешь – протокол. Ведь каждый из лауреатов тут же мог развернуть собственный литературный вечер – захватывающе, умело, профессионально...

Дмитрий Мизгулин тем же вихрем забежал на мероприятие с точнейшим опозданием на две минуты, бросил фразу подоспевшему к нему Роману Кичанову, скоренько извинился и сел на своё место. Итак, «вихрь» был – на месте, мероприятие началось. Первая часть его состояла из награждений лауреатов, вторая – представление книги стихов Дмитрия Мизгулина на финно-угорских языках «Когда-то Солнце было Богом...»

По лицам собравшихся в зале я видел то, что это мероприятие для них не рядовое, а знаковое. Суетливый полушёпот, приветственные взмахи друг другу из конца зала в другой его конец, доброжелательные аплодисменты... – домашняя обстановка.

Многих выступавших, конечно же, я знал, немногих – не знал. Даже, увы, некоторых тех, кто и поздоровался со мной. Но, ничего – разберёмся. Моему появлению здесь удивились Еремей Айпин и Княз Гочаг – сюрприз им... Смотрю – уже улыбаются.

Дмитрий Мизгулин к церемонии Мероприятия отнёсся с чисто удмуртской философией: верёвка хороша – длинная, а речь – короткая… После двух-трёх предложений своего вступления, он сказал «итак…» и назвал имя первого за прошлый год лауреата Международной литературной премии «Югра». Но, знаете, я абсолютно уже не вспомню сейчас – кто первым принял из рук Дмитрия Мизгулина и Надежды Казначеевой заветный диплом, коробочку с медалью и конверт с премиальными… Дошла очередь и до меня. Я не волновался. Мне было приятно и хорошо сейчас быть с коллегами в одном зале, в одной Югре, на одной Земле и в одном Космосе.

– Чем замечательна поэзия каждого отдельного, большого русского поэта? – сказал я в числе прочего. – Осознанием своих корней, которую составляют три начала – славянское, финно-угорское и тюркское… Сплав всего этого и дал Миру ту изумительность русского духа, над разгадкой которого уже веками тщетно бьются зарубежные интеллектуалы всех пошибов… А мы с рождения знаем этот «секрет»…

Зал тепло принял эти слова, что меня подбодрило… Тут собрались неслучайные люди…

Хотелось говорить много, красиво, проникновенно и мудро… Но регламент позволяет только мило улыбнуться собравшимся, скороговоркой произнести что-то своё и раскланяться с благодарностью. А всё оставшееся – к банкетному столу.

Здесь же, в библиотечном зале, состоялась презентация совершенно небывалого доселе проекта – издания переводов стихов Дмитрия Мизгулина практически на все письменные финно-угорские языки. И – вот она! Книга… Почти в 300 страниц, обложка – твёрдая, рисунка легендарного югорского художника Геннадия Райшева. Название книги – «Когда-то Солнце было Богом…»

Я уже потом, сидя за чашкой чая в мастерской самого Мастера – Геннадия Райшева, завёл речь и об этой его работе. Вспоминаются его слова: «…есть ли грань между живописью и графикой? Конечно, есть. Надо лишь только уметь разделять, различать и уметь сое-

динять. Так случилось и здесь – получилось двуединство. Хотя и решение редактора – взять мою работу в качестве оформления обложки этой книги, было для меня неожиданным. Но мне думается, что всё случилось и получилось – на благо».

...А в зале Главной библиотеки Югры зазвучали финно-угорские языки. Переводы стихов Дмитрия Мизгулина – проникновенно, задушевно.

– Чем меня привлекают стихи Дмитрия Мизгулина? – выступает Зоя Дудина из Йошкар-Олы, переводчица на марийский язык, – мне глубоко импонирует то, что их автор – наш современник, не утерявший самого сердечного сочувствия к своему читателю. Он не отделяет себя от него, он живёт его радостями и горем, смеётся с ним и плачет – тоже с ним. А иной раз, мне кажется, что и ангелы могут говорить строками стихов нашего русского коллеги. Настолько велико в них напряжение Божьего промысла!

Я благодарна авторам данного Проекта за то, что они пригласили нас в мастерскую поэта Дмитрия Мизгулина – как добрых гостей, возможных собеседников творца. И от этого мне и переводилось, ей-Богу, с удовольствием и радостью. Идеи стихов Дмитрия Александровича очень хорошо легли на пластику нашего языка, так что марийская литература обогатилась ещё одним большим поэтом. Я и сама радуюсь, что судьба подарила мне такую встречу, тепло которой я отдаю всем нашим марийским читателям, любителям и ценителям настоящей Поэзии. Я совершенно уверена в том, что и пройдя немало лет, наши марийские читатели так же, как и сегодня, будут читать Дмитрия Мизгулина – на родном языке. Ведь его стихи так близки и понятны нам.

– А мне обязательно хочется назвать Дмитрия Мизгулина своим земляком, – сказал Николай Абрамов из Петрозаводска, переводчик на вепсский язык, – он родился в Мурманске, учился в Ленинграде... Закалка его духа – наша, Кольского полуострова. Нордическая, как её называют. Мы – северяне, хорошо понимаем, что нам не прожить друг без друга. Мы должны обогревать друг друга своим теплом и только так мы выживем. И не только выживем, а будем жить счастливо, запоём свои

песни… Всё, что написано Дмитрием Александровичем – это наше. Здесь и наша радость – до небес, здесь и наша печаль – хоть в омут головой… И всё это – по душе нашей. Мне кажется, что именно я сам и написал это:

* * *

В полнеба – снега кутерьма
Вчера. И вдруг – дожди.
Вот и ещё одна зима
Осталась позади.

Но снежной хмари хоровод
Не устаёт кружить.
Подумалось – на целый год
Осталось меньше жить.

Покров печали ледяной
Растает не спеша,
И пусть ещё одной весной
Согреется душа…

Грустное примечание (от автора): Николай Абрамов, выдающийся вепсский поэт, наш дорогой друг и коллега Коля Абрамов… после той ханты-мансийской весны ушёл из жизни. Он скончался 23 января 2016 года, не дожив одного дня до своего 55-летия. Ему уже не довелось встретить свою новую весну. Пусть земля ему будет пухом…

–Благодаря добрым жизненным обстоятельствам, – продолжил выступления переводчиков Александр Данильчев из Саранска (он, молодой и красивый, рослый и стройный, любопытный ко всему, прибыл сюда не один, а в дуэте с эрзянской красавицей, одарившей собравшихся звонким серебром мордовской песни – спасибо ей…), – я познакомился с удивительнейшими стихами Дмитрия Мизгулина. Его лирика – не громка, а слышна всем. Его веселье веселит всех, а от его грусти грустно всем… Наверное, в этом поддержит меня и наша Валентина Мишанина, настоящий мастер мордовского перевода. Она тоже переводила Дмитрия

Александровича… Раз услышанные или раз прочтённые стихи Дмитрия Мизгулина уже не уходят от читателя, а многократно, ещё раз, «рождаются» в нём – по жизненным ситуациям… В этом и есть, на мой взгляд, настоящесть поэтического таланта Дмитрия Александровича… А некоторые его стихи и вообще своим ритмом сродственны нашим старинным эрзянским песням. Тем песням, без которых ни один эрзя не может почувствовать себя эрзей.

– А я даже и сам не понял – как это я стал переводчиком стихов Дмитрия Мизгулина, своего доброго коллеги, как в литературе, так и в нашей Окружной Думе, – от выступления хантыйского писателя Еремея Айпина, живого классика современной национальной российской литературы, – все собравшиеся в зале – заулыбались, – дай-ка, думаю, попробую. Авось, что-то да и получится… Доволен ли я своим переводом? Наверное, он не идеален. Но зачем нам стремиться к эфемерному идеалу тогда, когда мы уже явственно осязаем, что понимаем и слышим друг друга – хорошо? Да, мы понимаем и слышим друг друга. А это – главное.

Также красочно, метафорично выступила и Мария Вагатова, хантыйская поэтесса. Я ещё раз убедился – как её любят и ценят здесь. От всего сердца и по душе. И тут я слегка возгордился… Ведь Мария Кузьминична всегда называла меня своим братом – и мне по жизни досталось её душевного тепла, участия и доброго слова. Не остался обделённым, Слава те, Господи… Видел я и то, с каким деликатным тактом, с величайшим бережением и уважением относится к ней и Дмитрий Мизгулин. И беседует с ней с сыновними нотками в голосе… И качается, плывёт Мария Кузьминична на волнах его тёплых слов – как пава. Любо-дорого смотреть. И душе – приятственно.

А Арво Валтон, переводчик на эстонский язык, приветствовал собравшихся с экрана компьютера. Как всегда, он был точен в своих умозаключениях, поэтичен в слоге повествования, а его ирония и юмор были просто блестящи… В особенности под его утрированно-эстонское произношение русских слов. Ах, Таллинн, Таллинн…

Тут нельзя забыть и наших чешских коллег Ярослава Голоубека и Карела Сыса. На первых порах они дружно утверждали, что не знают русского языка – с улыбкой, конечно. Но впоследствии оказалось, что всё они понимали и все понимали их. Конечно же, на русском языке. Потому что, как в первой, официальной, части, так и во второй части, банкетной, они живо участвовали во всех действах – равно и с огоньком. От этого даже и забывалось, что они господа – закордонные. Нет, здесь они были – в доску своими. Виделось, что это – поэты сильной, прежней чешской школы. Их не повалит ни ветер жизненный, ни лишняя кварта чешского пива.

…Банкет был хорош. В нём царили ненарочитая домашность, уважительная деликатность к ближнему и шуточное поэтическое ухарство – в меру и в такт. Плюс – отличный стол. Ах, зачем эта ночь так была коротка…

Мы договорились встретиться с Дмитрием Александровичем ещё сегодня в фойе гостиницы и чисто по О'Генри – так сказать, «обменяться воланчиком светской беседы». Поговорить о литературе, о жизни… Так назначил он сам, уходя по своим быстрым делам с полбанкета.

Я ждал в назначенном месте, невзирая на предупреждения мудрого Романа Кичанова – «не ждите уже его сегодня… Не придёт…» Он оказался прав. Да, время было уже позднее… Даже мой мобильник, наверное, уже видел свои сладкие техно-сны. Он оглушительно смолчал…

Беседы на следующей «Югре». Дмитрий Мизгулин – на перепутье неизвестных мне дорог. Он и задумчив, и быстр – не так… Несколько – другой…

Да, тогда нам не довелось поговорить. Завтрашним ранним наши «югорцы» улетели утренним самолётом в Москву, Дмитрий Александрович, как я понял, – в их числе. А я, стало быть, остался на день в своём гостиничном номерке. Мне почему-то казалось, что Ханты-Мансийск мне даст какую-то подсказку о своём поэте. Тет-а-тет. Я много ходил по улицам, всматривался в лица прохожих. Но город в ответ на мои немые вопросы отвечал тем же – суетливым молчанием. У Дмитрия Мизгулина немало стихов, связанных с городами. А с его Санкт-Петербургом – даже целый цикл. Прага, Баку, Лондон, Москва и многие другие города звучат в его стихах. А Ханты-Мансийск настолько глубок в его творчестве, что иной раз можно и не сразу заметить… Да, много, многое связано в жизни поэта с этим городом. И в первую очередь – многие годы. Годы самых важных жизненных становлений и окончательной установки собственного поэтического голоса. А Ханты-Мансийск – суровый город, он не терпит фальши, он пропускает наверх – только достойных… Это – место немалых дилемм. И даже – решаемых и не решаемых задач… Потому что люди, в большинстве своём – рождённые и повзрослевшие – не здесь, прибывают сюда уже с конкретными целями, а не для простого жития-бытия… Мы имеем в виду людей, назначенных плыть против жизненного течения, а о плывущих по течению – когда-нибудь, в следующий раз… И каждый прибывший приносит сюда ещё и массу своих вопросов – своею лептою в клубок общих местно-вселенских проблем. Можно ли любить этот город? А почему бы и нет? Ведь место любви – это то место, где тебе отвечают взаимностью. А если уж и пошире смотреть, то, наверное, и вся наша жизнь – это просто распутье… Когда ещё хочется много-много жить, а минуты уже ушли и уходят оставшиеся… Когда уже вот-вот и поймётся что-то главное – откроется дверь, а до двери той – уже не дойти… Когда наконец-то хочется расплакаться навзрыд – весенним буйным половодьем, а слёз – уже и нет… И – ком в горле. И пишет поэт:

* * *

Застыл на распутье – не знаешь, –
Проблема – куда ни пойдёшь,
Налево – коня потеряешь,
Направо – любовь обретёшь…

И ты молодой и упрямый
Уверенно выбрал свой путь:
Решаешь – всё прямо и прямо,
Вперёд – ни на шаг не свернуть…

Ни недруга рядом, ни друга,
Молчанье – зови, не зови.
В тумане промозглом округа
И нет ни коня, ни любви.

И нет ни привала, ни крова
И нет ни покрышки, ни дна…
Тебе лишь дорога – основа,
Тебе только вечность дана…

И дали, туманные дали,
Где края достигнешь едва ли…

Что я мог сделать с молчанием Ханты-Мансийска? Только ещё почутче вслушаться в него. А для этого вновь приехать сюда.

Почти через год…

И снова гостиница «Югра». За быстрым столом – Дмитрий Мизгулин, его Роман Кичанов, вселенски-задумчивый Павел Черкашин и терзающий свой мобильник Сергей Козлов. Меня только что привезли из аэропорта. Я заношу вещи в свой номерок и спускаюсь к друзьям. Мне всё интересно – как уж они тут…

– А чай попьём уже у меня, – внезапно предлагает мне Дмитрий Александрович, на что я с удовольствием соглашаюсь. Здесь сидели люди, связанные друг с другом какими-то только им известными нитями, не задевающими меня. И мне оставалось только вежливо поддакивать их дежурной беседе.

И вот мы быстро зашагали – через улицу, по дворам… Видя, что я отстаю, Дмитрий Александрович

сбавляет шаг – он знает, что мне недавно пришлось побывать в московской Бакулевке…

– Ах, Дмитрий, я так уже настроился по твоему приглашению в Ленинград, – как уж тут было не посетовать, – пришлось вот и билет сдать… Что случилось?

– Да не унывай ты – никуда наш Питер не уйдёт. Даст Бог, побываем. И обязательно у меня дома, в Ингерманландии… Познакомлю тебя с семьёй, – голос Дмитрия звонок как предвесенний ледок под ногами и раздаётся в сумерках – далеко. Эта домашность его тона тут же настраивает меня на жизненную вечность, и я догоняю своего спутника, – а случилось то, что и должно было случиться – мы снова встречаемся здесь! Хорошо же!

– Не знаю… – мне оставалось сказать. Мизгулин был в своём амплуа – абсолютно непредсказуем. Это было той надёжной константой, с которой вести разговор с поэтом – было уже полегче. Ей-Пра…

* * *

Пройдя неведомыми мне тропами, мы выходим на улицу Ленина, потом подныриваем обратно – и всё на больших скоростях, в бурных водоворотах бесед – обо всём и ни о чём… Прогулочных бесед.

Вот и нужная нам дверь. Заходим в узкий подъезд, теперь – наверх. И через несколько минут мы уже сидим в большой комнате – кабинете Дмитрия Александровича. Хозяин попивает какое-то марочное красное вино – из высокого бокала, а я – чай. Моё время алкоголя, увы, прошло… Он уже не греет мою душу… А добрый разговор – всегда.

Я озираюсь вокруг. Видно, что здесь живёт очень небедный человек – дай Бог ему здоровья и многая лета… Но всё подобрано в доме аккуратно, невыпирающе… Ни одна вещь не кричит по-собакевически: «Я – тоже Мизгулин». Во всей обстановке чувствуется ненарочитая упругость готовности к движению.

Я так и просидел напротив рабочего стола Дмитрия Александровича, в другие комнаты не ходил – и не знаю, что – там…

В это время звонит мобильник и Дмитрий долго-долго говорит со своим, не известным мне, собеседником о депутатских делах в Окружной Думе ХМАО-Югра… Разговор изобилует массой мне не понятных нюансов, но понимается одно – Дмитрий Александрович ныне снова на распутье. Не стратегическом, а, скажем так, на жизненно-тактическом. Бывает…

Об этом немало писалось в Интернете. А мне – читалось… Но спрашивать самого Мизгулина о чём бы то ни было – по его депутатским, банковским делам, я не стал. Мы говорили о литературе.

– Дмитрий, а что же делать нам всё-таки для того, чтобы вернуть художественное слово на его место? – спросил я.

– По принципу «Поэт в России – больше, чем поэт?»… – я заметил, что сегодня Дмитрий – грустен, хоть и не подаёт вида. Да он и сам говорил, что, мол, приболел вот тут, а на носу – традиционные лыжные соревнования, – наверное, реку уже невозможно будет повернуть вспять. Реку времени, я имею в виду… Да, люди шли на стадионы – слушать стихи. Гремели Евтушенко, Ахмадуллина, Вознесенский, Рождественский… Кстати, прекрасные поэты! Возможно ли ныне такое? Если поставить цель, то мне думается, мой дорогой Слава, это абсолютно возможно сделать – вернуть моду на поэзию, людей на поэтические стадионы… Но возникает вопрос – а надо ли корректировать Время?

– Вы много ездите по стране, бываете за рубежом… видите, что художественная литература уверенно изгоняется на задворки общественной мысли…

– Нет, Слава, я так не считаю, – приличный глоток доброго вина, – вот жил-был на свете маленький Петербург со своим поэтом Пушкиным. Город был – небольшой, с нынешний Ханты-Мансийск – может быть… Литературной прессы – кот наплакал… Интернета – нет, радио, ТВ – тоже… И кто знал о Пушкине? На просторах всей российской империи – малая толика людей. А ведь эта малая толика и донесла до нас пушкинское волшебство! А разве же это происходит сегодня? Даже при том, что нынешний мир перенасыщен информацией – вдоль и поперёк… А Поэзия – жива. Вот о ней и толкуют сейчас

два полуночника – один с вином, другой с чаем… И абсолютно при том понимают друг друга. Да?

– Конечно.

– Значит, всё в порядке. По Есенину: «В этом мире умирать – не ново, но и жить, конечно – не новей…» Я думаю, что и через век, и через два, где-то сядут, такие же – как мы, два полуночника и будут горевать о том, что время художественной литературы невозвратимо уходит… И они будут правы, так же – как и мы с тобой… Поэзия уходит с числом прожитых дней от одного читателя к другому… А с поэтами она – всегда. Посмотри воспоминания современников того же, скажем, нашего российского Серебряного века… Ах, как они ломали руки, взывая к небу – что живут, мол, в непоэтические времена… А именно в это время и творились шедевры.

– К вам, Дмитрий, я полагаю, обращается немалое число нашего брата с просьбой издать их книжки?

– Да. Но разовые решения этого вопроса – не есть выход из прямо-таки патовой нынешней ситуации. Для того чтобы поддержать нашего автора, нужна систематизация работы всего цикла вопросов. Вопросов, почему-то абсолютно не решаемых ныне…

– Каких?

– В частности, издательских. Смотрите сами, дорогой Вячеслав. Начнём от тиражей наших книг. В среднем сейчас это выглядит так: поэзия – 500 экземпляров, проза – одна тысяча… А сколько у нас сейчас членов СП России? Тысяч 7–8. На нынешние 145 с чем-то миллионов граждан нашей страны… В СССР было десять тысяч членов Союза писателей… Может, я ошибаюсь?

– Нет, не ошибаетесь. Я был принят в СП СССР в 1989 году… И хорошо помню – насколько эффектно выглядела тогда Московская писательская организация. Она насчитывала в себе чуть ли три тысячи писателей… А остальные – союзные республики и РСФСР. Редко в отдалённых областях и автономных республиках насчитывалось более ста человек – членов СП…

– Ух! Куда нас занесло… А я хочу сказать, знаете – о чём? О наших библиотеках российских. А ведь их у нас и ныне по России-матушке насчитываются десятки тысяч. А куда идти нашей книге, как не в библиотеку? Почему не организуется закупка книг современных российских писателей в наши библиотеки? А если это иной

раз происходит, то – просто как исключение из правил. Наши скромные тиражи могут тут же найти и своё пристанище, и своего читателя… Но этого не делается… Кого закупают наши библиотеки? Вам известно… А всё было бы просто хорошо: писатель издал книгу, библиотеки её купили – по его цене…

– Тогда все бы стали писателями… И продавали библиотекам свои опусы по авторской цене.

– Этого не будет никогда. Писательство – это дело довольно-таки трудное… А чтобы оградить наши библиотеки от графоманов – людей тёртых и пробойных, должны заработать определённые отборочные комиссии. Или как их назовут…

– Опять цензура?

– Ни одно государство не обходится без цензуры… А чтобы что-то заиметь – надо что-то и отдавать. Просто так ничего не бывает. Так же, как и не бывает бесплатных денег…

– То есть вы предлагаете этот путь тем писателям, которые не могут издать свои произведения? И от этого имеют жизненный дискомфорт. А те писатели, которые не испытывают проблем с книгоизданием – могут идти своим путём…

– Дорогой мой коллега, я ничего не санкционирую, – Дмитрий Александрович уже часто поглядывает на свои часы, – я просто говорю, что мизер наших нынешних тиражей легко могли бы вместить в себя наши российские библиотеки. А как это сделать – это уже второй вопрос. К слову, в той же Финляндии, мне рассказывали, есть госустановка того, что каждая их финскинаписанная книга должна быть в доступе для читателей – без интернета, в любой части страны. Я не знаю – как это сделано, но если это есть – надо изучить… Почему я так волнуюсь за наши библиотеки? Да ведь их ныне массово закрывают. Надо спасать их нашими книгами – на государственном, федеральном уровне, по бюджетной линии.

– Это было бы решением многих вопросов. В том числе и писательской нашей нищеты – был бы хлеб насущный.

– Вот о чём я и говорю. Литература – это государственное дело, а у нас оно – не так… Даже из реестра российских профессий это уже с 90-х годов напрочь убрано. Кем? Не знаем. Но нет у нас ныне в стране и

профессии такой – «писатель». Вы это сами прекрасно знаете… Странно… Читатели в стране – есть, а писателей – нет. Грустный парадокс…

– Вы два созыва были депутатом регионального парламента…

– Вот вы о чём… Скажу прямо, что решения федеральных задач – не есть компетенция регионального депутата… И мне не стыдно перед моими избирателями – я делал и делаю всё, что могу и обещал. Но здесь я открою вам маленькую тайну… На моём депутатском сайте, ну, которое для обращений граждан, было всего несколько, пара-другая, обращений… Кажется, с просьбой о деньгах… И ни одного о главном – о законотворческой составляющей…

– Вы ведь, полагаю, находились и в федеральном кадровом резерве?

– Да. Но оттуда мне пришло только одно письмо – вопрос… Где бы вы предпочитали работать? В России или за…

– Как вы ответили?

– Не помню. Давно уже это было… Наверное, в России. Я очень люблю, конечно, Федора Ивановича Тютчева, но как он – любить Россию из-за бугра, не смогу. Всё русское для меня – это мой воздух.

– Вспоминается ваше стихотворение – «Был Фет евреем или немцем…»

Стоит разве спор вести об этом?
Он был русским и умом, и сердцем.
Вот и всё. А обо всём другом
Стоит ли твердить, писать трактаты,
Вспоминать давнишние грехи?…
Я забуду времена и даты,
Я читаю старые стихи…
И летят куда-то мимо, мимо
Попусту потраченные дни,
И горят во тьме неугасимо
Вечные вечерние огни,
И лазурь такая с неба льётся,
Что застыну, грешный, не дыша,
И внезапно чутко встрепенётся
До сих пор дремавшая душа…

– Вы многие свои стихи помните наизусть?

– Да.

– Немножко завидую, – сказал я, – я, когда запишу стих на бумагу, то – стараюсь его забыть. А то другое стихотворение не придёт – не будет места…

– Ха-ха-ха, – смеётся Дмитрий, – ну да… Постучится к вам ваше стихотворение, а оттуда другой стих – «занято!»

– Это из литературных хохм, типа: поэт пишет стихи, а прозаик – про заек и заик!

Мы дружно смеёмся. На дворе – скоро глубокая ночь. Я нисколько не забываю – с кем говорю и о чём говорю… Его время – дорого. И от этого я вскоре перешёл уже на блиц.

– Дима, чего вы больше всего боитесь?

– Не выйти на свою беговую дистанцию… Хочу ещё, ещё и ещё бежать – как сможется хоть.

– Чем вы так обеспокоены сегодня?

– Да вот приболел тут. А дел – море…

– Я подумал, что телефонный звонок вывел вас из равновесия…

– Да нет. Не в этом дело… А дело, видно, в том, что всю свою жизнь я решал чьи-то, не мои, задачи – пришло время решать и свои…

– А, может, решать чьи-то задачи – это и было вашей задачей?

– Может быть… Но всему есть предел.

– У вас тут кипы книг… Вы собираетесь уезжать отсюда?

– Ой, с этими книгами… Не могу расстаться с ними – никак. Я возьму их с собой… Надо их подготовить к большому пути – посидеть с ними на дорожку… Вот и апрельские дни начались… Скоро у вас, Слава, и день рождения… Сегодняшний день ушёл безвозвратно. День великого множества суетливых забот… – увы, мало чем, в этом плане, отличающийся от моих других. Мне вот сейчас надо бы кре-е-епко подумать – есть вопросы и в моём банковском деле, есть и по моему депутатству. Но эти вопросы, поверьте, мне – чисто рабочие, даже, я сказал бы, текущие… А если мне надо хорошенько обо всё подумать, то это без книг не обойдётся…

– Как у Пушкина о книгах – «мои верные друзья…»

– Да.

– А у вас есть друзья?

– Я подумаю о вашем вопросе и отвечу на него когда-нибудь или чуть потом… А пока скажу так – есть у меня и приятели, и неприятели. Как у каждого человека… А о врагах и друзьях – это слишком интимно… Об этом я пока не хочу думать – это достоверно узнаётся лишь по прошествии времени…

– Но у вас уже и было уже это время…

– Значит, мало было его пока…

– В этом времени вы всегда старались найти «окошко», чтобы побывать на знаковых литературных местах, святых местах…

– Паломничество, так уж это и назовём… – по мне… Душа ведь устаёт – её надо заряжать добром и светом… Именно в таких местах, прямою антенной соединённых с небом… Но к каждому паломничеству надо долго и тщательно готовиться, нельзя это делать с кондачка… Места же – святые…

Именно в таких местах и рождается, наверное, такое:

* * *

В суете уходящего века
Вдруг очнёшься от тщетных забот –
Не забыл ли Господь человека
Да и весь человеческий род?

С нами надо, конечно, построже,
Ведь давно, в суете мельтеша,
Позабыло творение Божье
Место, где обитает душа.

Всё торопимся: делаем дело,
В пустословье коверкая речь,
Что там душу – и бренное тело
Не умеем от скверны сберечь.

Свято веруем – всё будет лучше.
И скользим невозвратно ко дну,
Ох, как близко, Господь Всемогущий,
Подпускаешь ты к нам сатану.

В круговерти, заверченной бесом,
Не встречаем родного лица,
Всё бежим по дороге прогресса,
А дороге не видно конца…

Блиц-интервью, как распасовка…

– Дмитрий, вас часто отмечали и отмечают наградами, разного уровня знаками признания… Творческого, профессионального…

– Разве? А мне казалось, что – не больше, и не меньше, чем других…

– Кого – других?

– А всех нас… Мы ведь все уже получили самую большую, самую значительную Божью награду – это жизнь. А остальное – уж как придётся, но всё это – остальное, думается, не должно играть кардинальной роли в жизни человека… Да, получать награды – приятно, это, я бы сказал так – подстёгивает рост… Но считать их мерилом собственной жизненной правоты и успеха – наверное, и скорее всего, не надо… И особенно в творчестве… Признание каких-то светских заслуг никогда не являлось каким-то мерилом литературного творчества. И далеко не все писатели, заработавшие деньги, отмеченные наградами и званиями, были настоящими писателями – мы это хорошо знаем из истории литературы… И вместе с тем и те авторы, которые практически ничего и не получили за свой труд, остались в самой что и ни на есть безвестности, не всегда были затребованы своей эпохой… Литература – она как жизнь… И понять законы её выбора к коронации того или иного автора, при жизни или посмертно, представляется абсолютно невозможным… Автору лучше всего и не думать об этом, а просто – работать, творить, чутче прислушиваться к Богу и к себе… Я уверен, Вячеслав, задай я вас сейчас вопрос – кого вы считаете гениальным современным поэтом, прозаиком, вы тут же высыплете целую горсть имён, половина из которой мне ничего и не скажет – не знаю их… И также при моём от-

вете на этот риторический вопрос вы можете половину уже моих имён услышать впервые… И это при том, что мы с вами, худо-бедно, но – профессионалы, литработники. Хотя бы даже и тем, что оба учились в профильном институте – Московском литературном…

– Вот и за это я люблю литературу! За её безбрежность. Непредсказанность, – чай мой закончился, но и без него хотелось оставить многое – в памяти, уложить в доброе.

– Совершенно согласен… Мне думается, что Господь Бог создал человека и дал ему литературу – как поле духовное. Чем засеешь поле, то и получишь… А каждый человек – товар штучный, абсолютно неповторимый и незаменимый никем… Это ведь – ложь, что незаменимых нет… Все мы – незаменимы. И от этого, мне кажется, что и у каждого отдельного человека литература – только своя. Большая или маленькая, глубокая или мелкая – дело не в этом… А в том, что – своя… У Бога же, как мы догадываемся, лишних людей не бывает… У каждого – своя душа… И поле, на котором она трудится…

– А вы знаете своего читателя?

– Знаю. Нередко встречаюсь с ним. Он всегда где-то рядом, тут… Беседуем с ним – о том, о сём… А то и помолчим дуэтом…

– О чем вы говорите с ним?

– Как о чём? О жизни. О стихах – редко. Знаете, я никогда не любил выступать на публике со своими стихами – не моё это. Для меня контакт со стихом, открытие стиха осталось тем же, моим и школьным, и юношеским – это чтение глазами… А, знаете, Слава, я ведь и своих творческих вечеров-то не проводил…

– Но, дорогой Дмитрий, вы читаете свои стихи – великолепно!

– Я, с вашего позволения, – не поверю вам, но соглашусь, что услышать такое – приятно…

– А по выступлениям перед читателями… А ведь в те же советские времена выступалось много… И особенно по линии Бюро пропаганды художественной литературы… Были таковые практически при всех региональных отделениях Союза писателей… За каждое выступление, оформленное соответствующей путёвой БПХЛ, писатель получал 23 полновесных советских рубля, 18 из них – на руки. Пять рублей оставалось самому аппарату этой организации. Это были – настоящие день-

ги… При том, что выступать иной раз выпадало и по нескольку раз в день…

– Я был так занят в те времена совершенно другими жизненными вопросами, что этот аспект той писательской жизни, можно сказать, что и пропустил… Я знаю, что те деньги выделялись предприятиями, где и проводились читательские встречи – по соответствующим договорам, одобренным идеологией тогдашней власти… А сейчас пойдут ли предприятия на это, в особенности акционерные, частные и т. п.? И нужно ли это идеологии нынешней власти? Видно, так оно и получается – в одну реку не зайти дважды… Хотя исключения и бывают, наверное… Такие времена…

– Кстати, о временах… Известный московский критик Лев Аннинский в своём послесловии к вашей книге стихов «Ненастный день» пишет: «Поколение, прошедшее искус братоубийственной конкуренции, ищет, кому передать страну. И верит, что расплата уже состоялась – по их счёту. И надеется, что образумятся в будущем родные народу лукавые дураки и обозначатся нужные Отечеству внятные дороги»… Снова о дураках и дорогах…

– Да, есть у меня такой стих, который здесь Лев Александрович взял за печку, от которой танцуют… О временах. Что можно и должно сказать о них? О том, что времена не выбирают, а в них живут, мы уже – знаем… Самое большое чудо нашего времени – это мы. Без намёка на эгоцентричность и т. п.

– Не удержусь. Об этом вы хорошо сказали в своём стихотворении «Рим».

РИМ

Рокочет недовольная река.
На берегу в песке играют дети…
В душе горят минувшие века,
И на моих сандальях пыль столетий.

Я вечность эту вижу наяву.
Устал от зрелищ. И наелся хлеба.
Рим пал давно. А я ещё живу
И, радуясь, гляжу на это небо.

– Знаете, Слава. Коль уходить в стихи, то в такую даль можно забраться, что – ой! ой! ой! А можно просто остаться сидеть на своём месте и никуда не двигаться… Литература – не только она безбрежна, но и беседы вокруг неё… От самого сокровенного и до самого что и ни на есть элементарного гундёжа и обратно. Люфт – величиной с жизнь. Чью? Нашу, конечно. Но проводить явные аналогии с жизнью и творчеством – дело, мне кажется, малопродуктивное…

– То есть, поэт – отдельно, стихи – отдельно?

– Нет, утрировать тоже не надо… Всё должно быть – в меру. В меру, где и змеиный яд – полезен. Вот, например, ты где-нибудь видел какое-нибудь изображение Антона Павловича Чехова с орденом? У него был Станислава… Нет. Потому что он не носил его и, наверное, просто и отделял от себя. А было бы не так, то мы бы и увидели – и его современники, и мы – потомки…

– Дмитрий, не помню – по какому поводу, может, просто и любопытства ради – но вряд ли, я недавно просматривал литературоведческие разделы наших толстых журналов и, не поверите, тексты свежих и полусвежих кандидатских и докторских диссертаций, посвящённых совершенно разным литературным проблемам… Даже почитал то, что писали и обо мне, аз грешном…

– Ну, ну! И каково это – быть живым классиком?

– Скажу одно – невесело. И добавлю – и даже тоскливо… Ладно бы – если всё это писалось для, так сказать, удовлетворения собственных каких-то амбиций и даже тщеславия… Всё это было и понятно… Но ведь всё это пишется в рабочее время – по, так сказать, учрежденческому научному плану. И не простому, а бюджетно оформленному – в немалую, позволю заметить, деньгу… А потом по этим своим работам люди защищают научные степени и «сеют, разумное, доброе, вечное…» – нашей студенческой молодёжи… И те конспектируют их, даже заучивают – в заботах о своей оценке… И т. д. И всё это делается исключительно за казённый счёт… В отличие от нашего брата – поэта, забывшего отеческую длань государства на своём плече… Выживающего тем, что Бог пошлёт…

– И что?

– А то, что подавляющая часть этих текстов не выдерживает никакой критики… Она – просто пуста. И от того – и вредна.

– Ах, друг Горацио… Что тут скажешь? Как говорится, не томи мне душу скрипка… Мир – не идеален, как – и мы. Не знаю – кто это сказал?.. Может, я сам… А сколько в поэтическом кругу откровенно непоэтов, ложно принявших себя за оных… Усушка-утруска – она ведь везде…

– Наверное, так… Помнится, ещё молодым автором читал я чью-то рецензию на одну из моих поэтических книг, где критик неимоверно важно размышлял над моим стихотворением, посвященным родной деревне… На чистом глазу он утверждал, что пиша (данную словоформу любил И. А. Бунин) своё стихотворение, я думал о том-то и о том-то, упрекал наше поколение в «безпоклонном» отношении к своим родным весям и т. д., призывал власти уделять большее внимание социальным вопросам на селе и т. п. А я ни о чём таковом не думал, никого не упрекал, никого и никуда не призывал, а просто грустил по своей деревенечке и думал о рябине, зардевшейся под милыми окнами… И ещё, я отчетливо помню, что меня в тот момент чрезвычайно заботили проблемы подъёма собственного артериального давления, отсутствия денег на покупку обновок своим девочкам – где бы найти эти самые «хрусты»…, левый ботинок, пропускающий осеннюю влагу – пора бы его на ремонт…, некоторого похмелья после вчерашней встречи с друзьями – засиделись, однако (с утра жена «забыла» оставить денег на обед)… И т. д. Полный атас, но – в другую сторону, о которой тот высоколобый критик вряд ли и догадывался – ах! проза…

– В таких случаях, дорогой Слава, нам без Анны Андреевны-то Ахматовой – и не обойтись. Без её сакраментального, кстати, написанного прямо перед войной, в году сороковом…

Когда б вы знали, из какого сора
Растут стихи, не ведая стыда
Как жёлтый одуванчик у забора,
Как лопухи и лебеда…

* * *

– Дмитрий, а вам самому нравятся ваши стихи?

– А вам свои?

– Хм…

– Вот именно – хм… Как можно задавать такие лобовые вопросы? Но я всё же отвечу. Я к ним, своим стихам, отношусь по-отцовски, по родительски, и, стало быть, для меня они все – милые и родные… Это нечто другое, чем простое – «нравится – не нравится…» Это что-то большее, кровно – близкое, до слёз – своё…

– Но если бы они не нравились вам, ваши стихи, то вы, наверное, и не писали бы их…

– Не знаю… Может быть… Но, по-моему, этот вопрос, наверняка, относится к категории знаменитейших детских вопросов: «Кто победит – кит или слон?» Ответить на него – не так-то и просто… Да он, думается, и не ждёт особых ответов… А слово, заключённое в стих, оно приобретает магию. Мы ведь не знаем – «как наше слово отзовётся…»

– Это из вашего любимого Тютчева:

Нам не дано предугадать,
Как наше слово отзовётся, –
И нам сочувствие даётся,
Как нам даётся благодать.

– Ах, Фёдор Иванович! Земной вам поклон. Ну, а по мне… Знаете, мой дорогой друг, я просто не могу и представить самого себя на нашем белом свете без Поэзии…

– Вот и найден ответ… Вашу руку, Дмитрий Александрович!

* * *

– А теперь хотелось бы поговорить и о форме вашего стиха…

– По подноготной их, сермяжной правде?

– Нет, пока по силлабо-тонике.

– Да, я как был, так и остаюсь, верным приверженцем силлабо-тонического стиха… Именно и в этом я вижу, чувствую настоящую красоту, неповторимость нашего русского стиха…

– А все эти белые стихи, или как их называют сейчас апологеты – свободные стихи… без знаков препинаний, без красных строк и т. п.… С буквами – вниз головой… Что ни строка – головоломка…

– Может быть, они от лукавого. Нерусского к тому же. Мой организм отторгает такие стихи в минуты его острейшей нужды в поэтической настоящести – душевной засухи и голода… Когда хочется ясной и светлой искренности, как мелодии души… А просто посмотреть всякие «измы» для вящего своего обывательского любопытства – почему бы и нет… Посматриваю. Но это – не моё.

– То есть искоренять инакомыслящих, инаковидящих, инакочувствующих, инакопишущих в поэзии вы не собираетесь?

– Нет. Ведь именно таковые авторы, изначально, и составляют саму Поэзию. Но вся иность должна, я думаю, составляться именно в идее самого произведения, в духовности его созидания и душевности его восприятия читателем, а не только в том – в какой форме она написана… Со знаками препинания или без… С филигранностью ритмического строя или россыпью горохом строк…

* * *

– Дмитрий, ваши произведения переведены и опубликованы на многих языках. Ваши книги выходили отдельными изданиями на французском, английском, сербском, чешском, украинском, греческом, венгерском, болгарском, татарском, азербайджанском, болгарском и других языках.

– Появление, приход каждого переводчика ко мне я воспринимаю, хотелось бы тут обойтись без высокого штиля, но, наверное, не удастся – судьбоносным. Да, встреча с каждым своим переводчиком для поэта свершается – по судьбе. В этом я уверен… И я благодарю своего творческого Ангела, что он дарит мне встречи с настоящими мастерами литературного перевода, которым интересны я и мои стихи… Когда они приносят мои стихи своим народам на родных языках – я, ей Богу, хочу поцеловать им руки…

Совершенно зная – насколько нелёгок их труд... Они дарят моим стихам новые небеса – для полёта, жизни, для людей...

– А с другой стороны, дорогой Дима, знаю и по себе. Перевод для каждого поэта, писателя – это и, позволю сказать, экзамен. Услышать свой стих на другом языке – это благо приобретения и новой точки зрения на свою уже работу. Она даёт немало пищи для размышлений о написанном, вплоть до нового восприятия даже и собственной звукописи стиха... Здесь автор, при некотором отстранении от своего авторства, становится и слушателем, читателем своей работы – чисто по целинности восприятия. По канону первичности – хотя бы и возможной... И это – очень важно.

– С удовольствием соглашусь. На самом деле – это так и есть. Переведённое стихотворение можно пройти и вторую приёмку собственным литературным ОТК. И перевод – это ведь и новая закалка стиха...

– Я с удовольствием участвовал в твоём уникальном проекте – создании книги твоих стихов в переводах на все ныне здравствующие финно-угорские языки... Я говорю о книге переводов «Когда-то Солнце было Богом...» Здесь произошло объединение самых разных переводчиков, сумевших свои отдельные арии передать и в хоре... И никто не затерялся, никого не перекрыли мощностью иного звука – все чётко и красиво слышимы. И книга – состоялась. Она минула печали общих антологий, прозванных литературоведами «братскими могилами...»

– Спасибо, Вячеслав. Есть у нас мысли о своде переводов и на тюркские языки... А в итоге наш Проект будет представлен полновесным триптихом, куда соединятся три тома. В первом – мои стихи на языке моего творчества, русском, как собственно славянском составляющем нашей современной российскости. Вторая – это переводы на языки финно-угорских народов (её финно-угорская составляющая). А третья, в перспективе, – переводы на языки народов тюркской группы (её тюркская составляющая). На трёх, на трёх китах стоим!

– Это поклон Льву Николаевичу Гумилёву?

– Не понял... А- а, по его евразийской идее... А поклон

мой – всегда и всем, разбуженным утренним Ангелом… В том числе и Льву Николаевичу, памяти его светлой…

* * *

– Дмитрий, меня так и подзуживает задать вам один из вечных вопросов. Вот подзуживает, хоть – чешись…

– О смысле жизни что ли?

– А как вы догадались?

– А тут нечего и догадываться? Если два человека беседуют на русском языке не о том – где и что купить или продать, то этот вопрос возникает у них – сам собой. Что я скажу об этом? Огорчу вас, дорогой товарищ – ничего. Мне думается, что каждому человеку надо заниматься нужным делом – это и будет его ответом на этот вечный вопрос… Смысл жизни уже есть, а именно – в том, что Господь дал тебе жизнь. Молись Богу, радуйся жизни. Каждой его минуте и мигу… А коль этого не понимаешь, то это – вряд ли излечимо…

– Это говорите вы – человек большого масштаба…

– Никакого я не большого масштаба, а обыкновенный. Обыкновенный человек – в обыкновенное время. Таковым я себя чувствую. И на том стою…

– А по Богу?

– Не понял…

– Нередко вас называют православным русским поэтом…

– Ой, Слава, да как только меня не называют…

– Как вы пришли к Богу?

– Во-первых, к Богу не приходят. Он сам, наверное, решает – прийти или нет… А во-вторых, я никогда и не уходил от Бога, чтобы прийти к нему. Я всегда был и есть с ним, созданный по подобию его… Моя душа – во мне, а сам я – в храме православном. Жизнь и Бог – для меня едины.

– Вы оказываете ощутимую поддержку православной церкви – молитвой вашей, прилежанием в обрядах, да и материально…

– Знаете, Слава, тут требуется уточнение. Не я даю, а Господь наш даёт мне возможность быть нужным доброму Делу. Я это воспринимаю за самое щедрое благо Господнее, достающееся мне, аз недостойному…

И за это я благодарю его – дённо и нощно. Молитвой своей и тем, чем мне можется.

– Вы в своё время писали:

Мы жили с Господом в разлуке,
И, скорбный путь во мгле верша,
Была обречена на муки
Окаменелая душа…

Кого вы имели в виду, как – «мы?»

– Наверное, вот нас с тобой… И нашего читателя. И нашу страну.

– Но ведь всё то, что происходит в нашей жизни, то ведомо на Небесах. Как мы могли быть с ним тогда «в разлуке»? Ведь всё вершится на Земле – Его волей…

– Хорошо, что мы поняли это сейчас, а ведь раньше не думали об этом. Может, это и было нашей «разлукой»…

– Мне, нисколько не таю, очень нравятся ваши стихи, скажем так, православного цикла… Моей православной душе псалменность вашего стиха, поставленная по камертону простой жизненной философии Божьих канонов, – она родная и близкая… Давайте перечитаем вот это ваше вместе:

* * *

А по жизни всё всегда в начале.
И повсюду – Божья благодать.
И о чём вчера переживали,
Нынче и не стоит вспоминать.

Всё пройдёт. Точнее – всё промчится,
Всё Господь устроит по судьбе.
И всё то, что в жизни не случится,
Стало быть, не надобно тебе.

И опять сверкает Солнце ясно,
И сияют звёзды и луна…
Не кляни судьбу свою напрасно, –
Всё тебе отмерено сполна.

Знаете, Дмитрий, я представляю этот стих исполненным хоралом на высоком берегу самой большой реки. В тёплые июньской ночи, под блики стожар на куполе неба… И чтобы голоса певцов стлались над уходящей волной… Ах! душа моя…

– А мы помолчим… И просто будем жить.

– Или поплачем…

– Это было бы неплохо…

* * *

– Дмитрий, а как вы отдыхаете?

– Никак.

– Не думается иной раз – всё от себя отринуть и, подобно римскому императору, заняться более полезным, на его взгляд, делом – выращиванием капусты?

– Да я и так сажаю… И капусту, и морковку, да и мало ли чего ещё там… На своей даче… Не миновала чаша сия…

– А сейчас чем вы озабочены? От вас сыплются электрические искорки…

– Правда? Сказать откровенно – думаю, как бы правильнее прожить для себя. Повторюсь – ввиду того, что практически всю свою жизнь я решал не свои задачи… Вы меня понимаете?

– Стараюсь.

– Это хорошо, что стараетесь… Есть для меня совершенно понятная мысль о том, что все свои проблемы человек создаёт себе сам. Проблемы – это не доведённые до успешного конца дела… Надо, наверное, соизмерять самого себя со своими планами и т. д. А как это сделать? Не знаем. В таких случаях у нас принято всё валить на рок…, судьбу и т. д.

– А разве нет Судьбы – книги жизни, написанной на небесах?

– Не знаю. По крайней мере я её не видел и мне остаётся доверять только апостолам церкви нашей – что я и делаю с удовольствием. А, может, Слава, налить вам всё же вина? Вино хорошее…

– Увы, мой дорогой Дмитрий Александрович… Я уж с чаем. Вот дольёте мне…

– Ну, смотри сам. А то потом вспомнишь, что Мизгулин и вина-то тебе не нОлил… Поэты – народ непредсказуемый…

* * *

– Дмитрий, вы читаете, что пишут о вас?

– А что пишут обо мне?

– О ваших стихах.

– Что-то читаю, что-то откладываю… Что, впрочем, и не сложно… Пишут-то и не так часто. Вы не думайте, что я тут весь из себя – поэтическая звезда. Нет, я знаю своё место в нашей отечественной художественной словесности и оно меня устраивает… В этом плане – я не медиафигура, что даёт мне хорошую фору в моих литературных проектах…

– О своём месте – это интересно…

– Более того, Слава, я совершенно уверен в том, что каждый нормальный человек знает свою истинную цену – во глубине души… А уж куда грести с таким знанием – этот маршрут выбирается уж по большой охоте или просто по нужде…

– Или по гордыне?

– Может быть… И это тоже – двигатель, как и тщеславие – и т. п. Откуда они в человеке? Наверное, от того, что Творец их сам допустил – по курсу испытаний, наказаний или даже поощрений… Дивны ведь дела твои, Господи!

– А о дураках… Почему у нас этакого народу всегда бывает больше среди начальников?

– Всё правильно. У дурака ведь всегда завышена самооценка. И к тому же, по сравнению с обычной массой, начальники всегда – на глазах. Их и меньше – сразу видно, не спрятаться…

– Никогда не мог понять политику российского отбора кадров… Если его технологию отнести к эффекту Полишинеля, то есть: кого люблю – тому дарю…, то и это, вряд ли, будет верно… Лично знаю немало начальников, которые и своему вышестоящему начальству и своим подчинённым нужны – как прошлогодний снег…

– Э-э, значит, надо смотреть по начальникам его начальников. Может, им он нравится… Достаточно перечитать нашего Салтыкова-Щедрина и всё будет понятно…

Вся феодально-родовая форма нашего управления…

– Дмитрий, вы ведь с такими вот людьми общаетесь ежедневно, знаете их лучше… Вы ведь, в свободное от поэтического творчества время, ещё и – руководитель, банкир, парламентарий, учёный…

– А чего это я с ними общаюсь-то? У них – своё, у меня – дорога своя… Они сидят на своих местах, высиживая самих себя… Ничем им помочь я не могу, они мне – тоже… Как я могу к ним относиться? Да никак…

– Да, если идёт нехороший дождь – нет смысла его проклинать, укорять, ставить на вид, призывать к совести и т. п. А надо, наверное, просто взять зонтик и просто идти по своим делам… Я правильно понял?

– Приблизительно – так…

– А вы завидуете кому-то?

– Да особо как-то и нет… Было бы хорошо, если бы раньше мне не пришлось столько работать, чтобы быть уже и тогда материально независимым… Но, видно, всему – своё время…

– Я, думаю, что вы, Дима, не бедный человек.

– Я тоже также думаю.

И тут мы долго смеёмся. Дмитрий смеётся хорошо, от души – аж с лёгким постаныванием при заборе высоких нот. Да, он всё делает – от души… Хорошего человека всегда можно вычислить даже только по искренности, незлобности его смеха…

* * *

– Вам хочется иногда пороптать?

– Не понял…

– Ну, типа, я столько сделал, чтобы добиться своего нынешнего положения, а тот, имярек, палец о палец не ударил, а получил миллионы…

– Нет, Слава. Пустое это дело.

– А миллионы бывают – за просто так?

– У меня – нет. У других – бывают. Знаю точно. Взял завод за миллион, продал за сто…

– Это удача?

– Нет, это – бардак. Это та наша мутная вода, в которой умелые баламуты ловят свою рыбку – почти без труда…

– Вы много знаете…

– Да. Газеты читаю, телевизор смотрю, интернет «листаю»… С людьми говорю… А по успеху или неуспеху своему… Пытаюсь следовать совету Сергея Рахманинова. Говорят, что когда его спросили – как вы умеете так гениально играть, он ответил – мол, надо просто уметь в нужное время нажимать на нужную клавишу. За дословность не ручаюсь, но что-то в этом духе… Вот и я стараюсь сыграть свою жизненную музыку по Рахманинову…

– Удаётся?

– Иной раз – да.

– Мне приходилось встречать талантливейших людей нисколько не обустроенных по жизни… Встречались таковые и дураки… Хотя их и побольше. У вас есть рецепт жизненного успеха?

– Нет.

– Мне нередко приходилось слышать: чего ж ты такой бедный, коль такой умный? Такое говорили кому-то, говорили такое, наверное, и мне в спину – сам я не слышал… Я так и не нашел достойного ответа на эту сентенцию…

– А и не надо искать. Сентенция эта – изначально неумна… А на глупость отвечать глупостью – зачем?..

– Промолчать?

– Я недавно перечитывал биографию Одиссея Онассиса, мультимиллионера и т. п. И понял, что такие вопросы могут рождаться только в нищей среде – особенно духом… А в мире неординарных людей, таких как Онассис, им и места не было… Изначально… Увы, это лишь наша лексика… И тех, кто говорит, и тех, кто это слышит…

* * *

– Вы много общались и контактируете с нашим, скажем так, управленческим аппаратом. С чиновниками всех калибров, пошибов и мастей… Что вам думается о нём? Не просится в руку перо Салтыкова-Щедрина?

– Нет, не просится. Ведь Михаил Евграфович уже практически всё и написал.

Увы, весь управленческий наш аппарат остался в прошлом времени. В управлении теми же петровскими методами и формами нашей огромной страной

она – ныне не эффективна. Да, она весьма была бы хороша применительно к моногосударствам небольших размеров…

– Мы остаёмся практически последней империей…

– В каком отношении?

– Да хотя бы в отношении государства к своим гражданам, так называемым представителям негосударствообразующих народов… Когда на корню подрываются их национальные культуры, а функционирование их языков загоняется в исключительно кухонные формы общения… Мы практически в каждый новый год входим с потерей нескольких российских языков… Подобного форсажа русификации Российская империя не видывала никогда – за всю свою историю…

– Не в малой степени этому содействует и современная глобализация… Но твоя забота мне понятна и скажу прямо – я на твоей стороне… С этим мириться нельзя… Каждый язык – он от Бога. Беречь его надо…

– Всемерное укрепление вертикали власти – разве это не имперское?

– А Китай? Разве она не империя – Поднебесная? А США? С неистощимой тягой к мировому первенству? Все методы и формы её благоденствия – абсолютно имперские… Вкупе с амбициями.

– Вы как русский поэт не можете быть прохладным сторонним наблюдателем невзгод Отечества нашего…

– Не могу. Я не могу принять унижающую меня как русского человека данность о том, моя родная страна, держава по уровню международного влияния, по данным серьёзных исследований, находится на втором месте, а по уровню жизни нашего населения – на 67-м…

– Где-то рядом с Зимбабве?

– Нет, поближе…

– А ещё говорят, что разрыв между нашими богатыми и бедными, по уровню их доходов, измеряется в 16 и более раз…

– Если не в 1600 раз! Форма нашего хозяйствования – государственная, а по форме присвоения доходов – частная. И даже в госкорпорациях со стопроцентным государственным капиталом… Вот такая вот нестыковочка – ни в одни нормальные ворота не пролезет. А в наши пролезает… Даже и то, что наши люди идут работать в правоохранительные органы именно

для того, чтобы заработать – сшибить деньгу. По своим аппетитам. И зарабатывают. Хоть и не все…

– А ведь об этом знают и говорят все нормальные, знающие люди, но воз – и ныне там… Об этом говорят и эзоповым языком, говорят и прямым текстом… И всё с гуся – вода, а Васька слушает – да ест…Поневоле вспоминается тютчевское – «Умом Россию не понять…»

– Это ещё раз, Слава, говорит о том, что поэзия в нашей стране – универсальна. Она может пояснить то, что ни один нормальный экономист, социолог, психолог, правовед и т. п. – просто и не разложат. Не хватит их объёма логики… А у нашей поэзии логика – безразмерна.

– Да, Дмитрий, вот и снова мы подошли к своим же воротам… И как бы ни кляли разные диктаторы нашего брата, человека пишущего… Здесь абсолютно никак не обойтись без вашего стихотворения:

* * *

А жить так просто на Руси,
Чтобы достичь пределов рая.
Не верь, не бойся, не проси,
Земным вождям не доверяя.

Держись подальше от царей
И не играй с судьбою в прятки,
И будет голова целей,
И душу сохранишь в порядке.

Не предавай, не унывай,
Куда б не вывела дорога.
И никогда не забывай
Везде и всюду славить Бога!

«Не верь, не бойся, не проси…» – это же что и ни на есть лагерный канон…

– А разве там не наши люди?

– Наши. Мы родились, жили и уйдём в мир иной из полицейского государства. Мне сказали, что полицейское государство – это такое государство, где численность служащих регулярной армии меньше, нежели в

Министерстве внутренних дел. «Я другой такой страны не знаю, где так вольно дышит человек…»

– Вот такое и есть оно – наше счастье. А другого – нет. И не будет.

– Ты совершенно прав, Дима. Ей-Пра!

– Так я ж, поди, и старше тебя – на целый год.

– Ну, это – существенно, – соглашаюсь я.

…А за окном – уже ночь ранней весны. Западная Сибирь. Ханты-Мансийск.

Дмитрий Мизгулин молча взглянул на меня с наипонятнейшим мне вопросом в глазах – мол, может, закруглимся на сегодня, не пора ли на боковую? Я киваю головой и направляюсь к прихожей. На прощанье я торжественно получаю от хозяина дома объёмистый подарок, на память – щегольскую поллитровую кружку с надписью «Югорский лыжный марафон. Ханты-Мансийский банк. Открытие» и тут же проникаюсь спортивным духом. Да таким, что сразу и не иду в свою гостиницу, а решаю немножко пройтись по площади перед Окружной Думой. Перед сном. Привести свои мысли в относительный порядок. Вздохнуть и выдохнуть.

На душе было хорошо, так у меня бывает после бесед с добрыми людьми, с которыми повстречалось – по судьбе. В задушевной её поре…

Пройдя к средоточию Окружного парламентаризма, взяв вправо, вижу громаду Ханты-Мансийского православного храма: «Отче наш, Иже еси на небесех! Да святится имя Твое, да придет Царствие Твое, да будет воля Твоя, яко на небеси и на земли…» От молитвы, осенённой крестом, мир вокруг вдруг становится даже уютнее. И даже как-то и попонятнее… Ведь скоро и тут вострубят утренние ангелы…

Западная Сибирь. Ханты-Мансийск, Дмитрий Мизгулин. Ночь… Дорога – в гостиницу «Югра»…

Тут вспомнилось, я спросил его:

– Дмитрий, не все православные приветствуют то, что наши батюшки ныне одеваются в рясы то ли от Кардена, то ли от Зайцева…, разъезжают на супер иномарках – работягам и не снилось…

– А что? Им надо было бы ходить в заплатанных дедовских рясках, лучше в лохмотьях, и ездить на со-

ветских ещё «Москвичах»? – вдруг резко ответил он вопросом на мой вопрос, такое у него – нередко…

Каюсь…

Ночью я спал крепко и декларации о доходах – мне не снились… А что снилось? Не помню. Как у Мизгулина…

* * *

Ни имени не помню, ни лица,
А только помню – осень, вечер, дождь.
Я долго ждал у твоего крыльца,
Надеясь, что ты всё-таки придёшь.

Насквозь промокли кепка и пальто,
Как будто слышен чей-то разговор…
А было ли на самом деле то,
О чём я вспоминаю до сих пор?!

Навеки наши разошлись пути,
А я гляжу в немую темноту,
И надо бы очнуться и уйти,
А я всё до сих пор чего-то жду…

* * *

Через какое-то время… День, а, может, недели, месяцы… Продолжение блиц-беседы…

– А знаешь, Слава, я ведь теперь приноровился свои стихи на телефон записывать…

– Ух ты… У вас крутой телефон, даже с надписью – МИЗГУЛИН…

– Ты давай не подкалывай… А смотри… Чем ведь только не писали стихи: углём, стилом, пером, на машинке «Ундервуд» – это был шик времён Пастернака… Технология письма меняется, а буквенное волшебство остаётся – это же чудо! Чудо пульсации живого чувства…

– Да…

– Стихи – это моё самое дорогое.

– Как и семья?

– Нет. Семья – это святое. Но это уже немножко не твоё, а – Богово, скажем так. А мои стихи – это ведь самое-самое моё. Ты понимаешь меня?

– Понимаю.

– Дети вырастут, уйдут. Хотя стихи тоже уходят – да и добрый им путь.

– А что у человека остаётся с ним?

– Душа, Слава, душа. До последнего вздоха… А по стихам. Тут мне вспомнилось… Знаешь, когда-то мне довелось работать в Татарии… У меня там был начальник – Шавкат Мухамметпашаевич. Культурный такой остался в моей памяти… Хороший человек. Так вот. Пошли мы с ним разок в художественный музей. На выставку. И тут я увидел – такое! Эх, надо было её купить тогда… Представь – картина. В таком что и ни на есть татарском разноцветьи… А там – сидит мужик и играет на дудке. На голубоватом фоне сверху летают птички… Спрашиваем у экскурсовода, или как там её, поди, искусствоведа какого-то – мол, как называется эта картина? Она – «Играющий на дудке». «Нет, – говорит тут Шавкат абый, – неточно перевела и даже неправильно. Картина называется – „Хозяин мелодии“». Вот ведь как оно! Этого мне никогда не забыть. Ведь и поэт – он и есть хозяин своей мелодии… А вот как писать про поэта – я не знаю. Ну, ладно, скажем, биогра-

фию его расставить по полочкам. Но это не будет про поэта, а будет просто биография NN. Вот тот же наш Пётр Андреевич Вяземский прожил долгую жизнь и рассказал нам о времени своём, о Пушкине… Но можем ли мы из его текстов хоть на миг представить внутренний мир Александра Сергеевича? Нет, конечно… Интим создания художественного произведения – это одна из таинств человеческого духа…

– А как бы о вас писать?

– Не знаю… Если писать о моих банковских буднях, депутатских бдениях, путешествиях по миру и марафонских забегах… Это будет не про Мизгулина, который пишет стихи… Это будет совсем про другого имярека…

– Вы сказали – что всё, что можно сказать о вас как о поэте, есть в ваших стихах…

– Совершенно верно. Они и есть документы моей души – как уж вам понравится эта фраза… Хоть – да, хоть – нет. Но это – так.

– Я слышал, что на своё 50-летие вы изготовили медали со своим изображением и вручили их друзьям.

– А это уже документ эпохи… Как это было, – тут Дмитрий смеётся аж до слёз, – значит, один из моих друзей вдруг посетовал, что у него нет никаких наград, медалей нет…

– В пику вашим наградам. Ордену Дружбы. Другим…

– Не знаю… Так вот. В чём забота? Я тут же изготовил свои медали и роздал друзьям. Все были довольны и я – тоже. Собственные праздники надо украшать самому – разве не так…

– Вы, наверное, и песни сами спели?

– А кто не поёт у нас после стакана? Но если серьёзно – нет, не дал мне Господь этого таланa… А вот послушать хорошую оперу – люблю, право-слово!

– Вы слушали, видели настоящих мастеров?

– Приходилось… За что благодарен судьбе своей – безмерно. Плюс к этому – оперу ведь можно слушать и с наушником, даже в самолёте. Правда, это совсем не то, нежели вживую. Но всё же… Мне, наверное, не сносить уж все свои костюмы и галстуки, но услышать, увидеть оперу – новую или классику, это всегда – настоящий дар, поражающий вечной новизной.

– Как у вас:

Осталось жизни – на глоток
И то сказать – совсем немного.
Но рано подводить итог,
Когда тебя зовёт дорога…

И как она вас зовёт?

– Пошли, говорит.
– Прямо так и говорит?
– Ага. Кричит в ухо – шёпотом…

– И как вы, дорогой Дмитрий, везде успеваете? Что за горючее в вас такое – энергетическое?

– Знаешь, после института я служил в Закавказье. Был молодым офицером… И, знаешь, жили мы отдельным городком – офицеры и их семьи… Ну, солдаты, ясное дело – отдельно, в своих казармах… Так вот, Слава, мало где я потом встречался с таким накалом, прямо-таки, шекспировких любовных страстей, как в офицерском городке…

– То же самое и я могу сказать о нашем городке в Туркестанском военном округе…

– Ну, что ж ты так… У вас – так же было? Ну, ладно… Я был молод, холост… И мне не забыть слова моего старшего товарища, офицера: «Если ты не окучиваешь свою жену, то найдутся другие окучиватели…» Так что и в нынешнем моём бизнесе – также… Мне надо соответствовать своей, скажем так, ипостаси, выполнять то, что мне назначено, а то найдутся и на моё дело другие выполняльщики… Закон суров, но он – закон, как говорили древние… Мне надо быть быстрым на ногу, быть в движении… Вот такова она – моя дорожка… От моего успеха или неуспеха зависят много людей, в том числе и очень близкие, которых я просто не могу подвести…

– Это такое высокое чувство ответственности?

– Нет. Это просто – характер такой. Хоть борись с ним, хоть – нет… Но с самим с собой, конечно же, лучше уж – дружить… Нет хуже самокопательств и т. д. А бизнес – это дело такое… Как говаривал наш водитель: «Мы считаем, что девушка должна нам дать, а она так не считает. Вот где найти тут правду?» В бизнесе каждый считает только своё и ничьё более…

– Что вы хотели бы ещё по жизни заполучить?

– Хм. Ну и вопросец… Да вроде ни о чём таком не мечтается… Хочу бегать, бегать и бегать – продлить свою спортивную карьеру. Я ныне пробегаю четыре марафона в год. В нашей стране, за пределами… Молюсь Богу о том, чтобы мне бегалось, чтобы мои колени не подводили… О многом молюсь… Лишь бы не забывал меня Господь Бог, а остальное – уж сами добежим…

Перед финишем дистанции забега нашей встречи – ух! как сказалось… Болельщики бурно приветствуют нас, «кричали женщины: ура! И в воздух чепчики бросали…» А шаги наши – всё короче, короче и чаще, тяжелее… Но на наших лицах – лёгкая ирония… Будто бы. Могём же!..

– Дима, вы смелый человек?

– Я осторожный. Этому меня научила моя профессия.

– Что вы будете делать, уже зная, что вам осталось совсем немного?

– То же, что и сейчас, – молиться.

– У вас есть рецепт успеха-неуспеха?

– Есть. Надо трудиться. Много трудишься – придёт успех, мало трудишься – успеха не жди… Всё просто – как дважды два…

– Есть ли у вас настоящие друзья и настоящие враги?

– Конечно, есть.

– Чего вы боитесь на свете?

– Пережить своих детей.

– Представьте, что вот завтра вы встречаетесь с руководителем нашей страны… О чём бы вы с ним говорили?

– Ни о чём…

– А если с Николаем – Угодником, Михаилом – Архангелом, Георгием – Победоносцем?..

– С ними – попозже бы…

– Если бы вдруг стали невидимым Мизгулиным, то куда бы зашли?

– Ты ещё спроси – в кого бы? Ну, ты даёшь… Вопросы у тебя: с копыт – долой!

– Ладно, идём дальше… Вам нравится ваша фамилия?

– Отличная фамилия.

– Вы не знаете её этимологию?

– Сложно сказать… Мы вышли ведь из поволжских татар, вернее, даже не из татар, а скорее всего – из мордвы… Чисто по Есенину – «Затерялась Русь в Мордве и Чуди…»

– Ах, чудо – стих! Как там было, Дмитрий?

В том краю, где жёлтая крапива,
И сухой плетень,
Приютились к вербам сиротливо
Избы деревень…

Там, в полях, за синей гущей лога
В зелени озёр,
Пролегла песчаная дорога
До сибирских гор.

– И самое главное… Чисто наше, российское… И заметь, Слава, об этом писал ведь совсем молодой человек – а как мощно!

Затерялась Русь в Мордве и Чуди,
Нипочём ей страх.
И идут по той дороге люди,
Люди в кандалах…

И так далее… У каждого русского человека, и россиянина – свои кандалы… Видно, не дано нам мотыльками полетать над лугом, налегке…

…Дед по матери, я полагаю, что он был финно-угорских корней, происходил из деревни Перещино, что прямо на нижегородско-мордовских межах… И матушка моя, Лариса свет-Семёновна, стало быть, из тех сторон… А по отцу, я полагаю, что родова его, наша, пошла из татарских корней – Мизгуль, Мизгулин… Отец, Александр Вячеславович мой, родился в городе Аткарске… Проживали они в Саратовской области, ближе к Татарии… А поглубже о своих корнях я пока не скажу, но я этого так не оставлю – поищусь… А то стыдно будет перед внуками… Семь-то ведь хоть поколений – а надо знать… Остались ведь и поныне татарские, башкирские роды Мизгулиных – здравствуют… Русскому человеку нельзя без корней…

– Особенно – поэту.

– Никому нельзя. Не Иваны же мы, не помнящие родства…

– Вы, Дима, человек, можно сказать, весьма коммуникабельный. Это ваша роль или характер такой?

– Это, дорогой мой Слава, моя любовь к людям.

– Чувствуете ли вы себя частью чего большего, нежели вы сами?

– Конечно, я ведь в Божьем миру состою.

– Как вы можете узнать человека – порядочный он или прохвост, честен или нечист на руку…?

– Так, Слава, всё же ведь видно – прямо по лицу. Посмотри-ка на депутатов Госдумы…

– Как ваше близкое окружение относится к вашему поэтическому творчеству?

– Никак. Но, может быть, глубоко в душе – с сочувствием… Ведь это касается только меня и я не могу это никому отдать. Во-первых, никто и не возьмёт, а во-вторых, моё творчество входит в нераздельность моей натуры и она в розницу – не идёт…

– Для вас есть вдохновение? Вообще…

– Если разложить само это слово – вдохновение… Ведь он, думается, произошло от слова «вдохнуть…» А кто вдыхает? Бог. Его дух святой. В таком случае, вдохновение – есть.

– Как вы пишете стихи?

– Толчком к стиху, как обычно, служит вдруг найденное, пришедшее в тебя слово… Или просто одна строчка. Редко – двустишие… Как откровение. Как свет маяка… Как курсор… А потом это слово в тебе обрастает плотью, сюжетом, одевается в идею… Господь не любит долго разговаривать, у него времени крайне мало. Вот поэтому он и даёт только толчок, только одно слово, только одну строку, редко – две строки… Остальное – сам рожай…

– А сколько ненаписанного осталось?

– Море. Не успевалось зафиксировать… Ладно хоть сейчас аппарат всегда с собой, имею в виду телефон – хоп! и записал на него…

– Стихи всё же можно научиться писать или научить писать?

– Если такую цель поставить, то и зайца можно научить курить…

– Геннадий Райшев, выдающийся художник, мне здесь вчера сказал, что функция творчества – разделять, а ремесла – соединять. Вот, говорит, соединять, валить в одну кучу, что попало, создавать ассорти – многие, худо-бедно, но умеют, и особенно при прохождении чьей-то школы мастерства и т. п. А вот разде-

лить по душе своей, вычленить главное – это дано не всем…

– Хорошо сказал. Он – молодец.

– А поэзия изначально адресна?

– Конечно. Ты же изначально пишешь – человеку, а только уж потом – кому попало. Собаке, например…

– «Дай, Джим, на счастье лапу мне…»

– В этом стихотворении, мне кажется, что Джим – наиболее человек, нежели некоторые другие «гомо не-сапиенсы»…

– Как вы думаете, Дима, у вас есть строки прямого попадания в мировую поэзию?

– Хм… А как вы думаете, Слава? Вы ведь что-то читали моё. Интересно бы знать… У меня есть такие строки?

– Есть, и немало.

– Пример привести нельзя…

– Пожалуйста, стихотворение «Забыв про Родину и Бога…»

… Звезда моя горит высоко,
Небесный указуя путь.
И хорошо. И одиноко.
Вот только холодно чуть-чуть…

Вот в этом «чуть-чуть» и вся она – поэзия. Большая, именно русская…

– Слава, я бронзовею на глазах… Спасибо за такую высокую оценку.

– Но я могу ещё привести и другие примеры из вашего творчества…

– Успеется… А то ляпнешь такое, что потом хоть – в омут. Как говорится, уберите фотографа, а то он мешает мне сосредоточиться… Я же тоже, может быть, стесняюсь… Ты лучше свои следующие вопросы задавай. Пока у нас ещё осталось времени…

– Ладно. Идём дальше… По вашим поэтическим выступлениям…

– Я уже, кажется, говорил, что публичное чтение стихов – это несколько не моё… Это тяжело для поэзии. Ведь мы начинаем смотреть на поэта, пропуская его слова… Как он одет, с бодуна ли – свежего или застарелого и т. д. Теряется мышленческий образ стиха. И это – очень жалко… Книга, как вещь, как факт – это

же основа всего того, что вырабатывает наше чувственное мышление и как оно вырабатывается.. У христиан, мусульман, буддистов, иудеев… Конечно, вначале было Слово…, но домом слова стала книга… Вот туда и надо стучаться образным нашим мышлением.

– Геннадий Айги говаривал… Вы не были с ним знакомы?

– Заочно, лично – нет… Я знал Ювана Шесталова, Леонида Лапцуя, Владимира Санги… Октябрину Воронову… Конечно, Айги – другой.

– Это была очень интересная личность. Помнится его стихонаставление – не следите за сюжетом читаемого вами стиха, а следите за тем, ощущайте то, что происходит с вами при чтении этого стиха… Где-то на уровне солнечного сплетения – именно туда, он говорил, приходит хороший стих.

– Хорошо сказал.

– Каким женщинам вы можете написать стихи?

– Не писал стихов женщинам. Может быть, посвящал их потом, но это ведь – уже другое…

– Значит, многое ещё у вас впереди…

– Может быть. Это радует.

– Прочитанное вами стихотворение может как-то вас внутри изменить?

– А как оно может изменить? В человеке ведь мало что меняется – из его внутреннего мира. Что заложено в него Богом, то и есть он. Оно, то есть то, что воспринимается за какое-то изменение, только проявляется в тех или иных ситуациях, условиях… – а само уже было изначально.

– А это из голой публицистики… Вы помните свой самый первый заработанный рубль? На что его потратили?

– Слава, прости, но я не вспомню… Этих рублей столько прошло через мою жизнь… Но если вспомню, то позвоню тебе и расскажу. Идёт?

– Ладно.

– Если бы вы сейчас составляли своё «Избранное», то сколько бы стихов внесли туда?

– 90 процентов от всего моего написанного – мне не стыдно за них.

– Как вы воспринимаете свой характер?

– Как уж – есть. Биография пишущего человека – это не всегда его стихи или проза. И не всегда его характер. Каждое явление надо воспринимать не в едином потоке чего-то, а попытаться, как отметил наш друг Геннадий Райшев, вычленить его… Тот же Пушкин написал великолепнейшие «Песни западных славян», а сам ни разу за пределы Российской империи и не выезжал. Или Вознесенский, который объездил весь мир, а… (махнул рукой).

– А евтушенковское «Поэт в России – больше, чем поэт»? Как у вас ассоциируется?

– Никак. Поэт ляпнул, не подумав – в своём ключе… Не для скрижалей. А у нас сразу – у-у-у-у…

– Ваша поэзия, Дима, очень целомудренна…

– А что ты под этим имеешь в виду?

– Отношением к вещам интимным – к слову, к женщине…

– А разве надо кричать об этом? Миру неинтересны физические подробности моих отношений с героиней моего повествования – это дорого только мне… Настолько дорого, что ни с кем такой замечательной памятью я не буду делиться… А публично хвастаются своими «победами» над женщинами только неудачники, которым эти женщины и отказали…

– По старой мужской мудрости – «кто делает – тот молчит»?

– Может быть…

– Материальный достаток влияет на литературное творчество?

– Нет. Хрестоматийные примеры – Толстой Лев Николаевич и Достоевский Фёдор Михайлович. Богатый, даже и по нынешним меркам, Толстой и беднейший, трясущийся над каждою копеечкой своей, Достоевский… Оба – столпы мировой литературы…

– А когда вы сами писали лучше – бедным и молодым или богатым и матёрым?

– Я никогда, ни ранее и ни теперь, не публиковал и не публикую своих произведений, не дотягивающих до моего собственного ОТК.

– Вы помните свои публикации с самыми роскошными гонорарами?

– А как же! Журнал «Молодая гвардия», номер 1-й, за 1984 год. Мне заплатили за мою подборку стихов

баснословный гонорар – два рубля пятьдесят копеек за строку…

– А сейчас кто вам устанавливает материальное поощрение по месту работы?

– По месту работы я – человек маленький, как говорится, наёмный работник – специалист. Есть надо мной структура, которой я подчиняюсь и выполняю её решения.

– Может, значит, быть и такое – вы придёте утром на работу, а, оказывается, что вы уже тут и не работаете…

– Может…

– А знаете, Дима, я в те же годы получил за свою первую книгу, небольшую такую, сборник рассказов в 87 страниц, – 900 с чем-то рублей.

– У-у! Это были по тем временам – большущие деньги. Особенно для человека пишущего… Да, власти понимали серьёзнейшее значение художественной литературы и не спускали её хода на самотёк… От этого были разные результаты, но человек пишущий, однозначно, с голоду не мог умереть…

– А вы, как официальный лидер литераторов Югры, как считаете – должно ли государство поддерживать литературу?

– Конечно, должно. Отечественная литература наша всегда стояла за державность российского духа. И если мы ныне не кормим своих писателей, то придётся кормить чужих… А им наша Россия – не нужна… Для них наши беды – праздник.

– Вы уже более 16 лет в Югре, что вы скажете о её литературе?

– Знаете, Слава, я не воспринимаю выражения – региональная литература. Осетрина должна быть только первой и единственной свежести – где бы она ни была… И в Пскове, и в Сургуте… Но здесь, в Югре, есть место совершенно феноменальной финно-угорской литературе – хантыйской и мансийской. Нигде более в мире, только в Югре, есть эти литературы. Со своими именами: Юван Николаевич Шесталов, Еремей Данилович Айпин, Мария Кузьминична Волдина, Андрей Семёнович Тарханов, Володя Енов, Светлана Динисламова… Этот ряд дополним именем и Юрия Кылевича Вэллы, лесного ненца… – да упокоится его беспокойная, светлая душа…

– А из русских авторов?

– Пётр Суханов, Владимир Волковец… Вот каверзный вопрос вы мне задали… Хочется всех перечислить, чтобы не обижались… А то тут и дружка своего Сергея Козлова забудешь… Он, правда, прозаик.

– Пишет про заик? Или про заек?

– Да обо всех он пишет…

– Есть ли для вас, русского поэта, что-то выше, чем Родина?

– Господь Бог.

– Сколько языков вы знаете?

– Один. Русский.

– Что вы думаете о богоизбранности русского народа, о которой с пеной на губах твердят уже со времён царя Гороха?

– Ничего не думаю. Перед Богом все народы – равны. И нет народов – более равных среди равных.

– Что вы скажете о современном литературном процессе в нашей стране?

– Ничего. Представлю яркий пример. Вот вам новая книга. Моя или другого автора. Её тираж – всего одна тысяча экземпляров. На 145 с чем-то миллионов населения нашей страны. Книга находится в свободной продаже, выставлена в сети… И что? Думаете, что кто-то кинулся её покупать? Нет, конечно. Это говорит о том, что в нашей стране нет никакого урегулированного литературного процесса. Ведь одним из качественных признаков этого процесса является наличие тесного контакта между автором и читателем, а его у нас – нет. О чём говорить? О том, что кому-то выгодно превращать нас в нечитающую, недумающую массу? Так об этом все знают. А те, кому положено государственно выполнять работу по удовлетворению читательских, а шире – культурных, потребностей наших граждан – этого не делают. И никто им за это по шапке не даёт. Все веселы, круглолицы и довольны.

* * *

– Дмитрий, не могу не задать вам вопроса, чрезвычайно волнующего меня. Впрочем, как и все другие здесь вопросы, заданные мною вам, но – всё же…

Вы – человек православный, воцерковленный… А в нередких ваших произведениях гудит настоящий набат ропота, даже гнева…

– Я понял… А одно другому ведь не мешает. Самый что и ни на есть православнейший человек, гений мировой литературы, Николай Васильевич Гоголь не только роптал на окружающую его действительность, но и выжигал его своим саркастическим смехом… Ведь даже царь, посмотрев его «Ревизора», вынужден был признать, что, мол, всем досталось, а больше всех – ему… И ещё… В Писании ведь сказано: «Изымеша злава от вас самех…» Вот этим своим литературным несогласием с окружающей действительностью, отнюдь и не способствующей счастливой жизни наших сограждан, я и следую сказанному в Писании.

– Но ведь если исходить из того, что даже лужа на дороге – от Бога, то – как?

– А это значит, что если человеку неравнодушному засыпать эту лужу, то это никак не будет против Бога. А – наоборот, будет по Богу… Не надо ставить в абсолют то, что где-то и чего-то допускается, попускается Богом. Я так это понимаю – умишком своим.

– Вы можете кого-то и чему-то обучить?

– Могу, но только при условии того, что человек сам хочет чему-то у меня поучиться. А таковых на горизонте – пока не видится… Ученик приходит сам… Знаете, Слава, что я хочу сказать. Не прямо об этом, а опосредованно – об этом… Мы не умеем просить. Ну, да и ладно бы с этим… За любой спрос, как говорится, по щеке не бьют. Но мы не умеем и благодарить… Вот это хуже всего… От неумения благодарить до предательства – один шаг… Этого нельзя забывать.

– А что вы воспринимаете как предательство?

– Всё, что относится к нему… Иной раз даже мелочь, не стоящая человеку усилий, а для тебя в данной ситуации – невероятно важная. Рукопожатие, звонок, поцелуй, одно тёплое слово… Предательство – это и равнодушие, отсутствие чувств… Да, меня предавали – было…

– Вы человек одинокий?

– Да. Одиноко приходим, одиноко уходим… Как и все… Но чуть-чуть более. Поэзия – это вообще одинокий труд. Как и любой другой вид искусства.

– Вас посещало отчаяние?

– Нет. Живя под Богом, невозможно отчаяться… К тому же – это и грех.

– Вы можете смеяться над самим собой?

– Конечно. Я это практически каждый день и делаю… Ну, ты, говорю, Дима, и чудак! Ха-ха-ха…

– Вы встречали своего читателя?

– Да. Много раз. Даже вчера вот…

– Поэзия может быть реализацией самого себя?

– Может. Но она не есть место под Солнцем. Кто так не думает – опомнитесь…

– При всей, всё-таки, вашей открытости, Дима, вы очень закрытый человек…

– Разве? Ну, коль вам так увиделось… Тут уж нельзя не вспомнить толстовское – мол, только в кабаках двери раскрываются – настежь, а в душу дверь открывается вовнутрь…

– А в чём ваше душевное отдохновение?

– Чтение, спорт, опера. Вот три моих любимых китёнка, на которых и плывёт, держится мой мир… А прожил бы я другую жизнь, скажем, по реинкарнации, я прожил бы свою же жизнь, и второй раз, и третий раз… – я ею доволен. Я русский человек, и хоть и в этом нет мой заслуги – родители родили, а Господь сподобил – я горжусь этим. Но не бия себя в грудь и не разрывая рубахи на ней, а тихой благодарной молитвой…

Вот здесь надо бы поставить и последнюю точку в тексте, но… не хочется. Не хочется расставаться – ни с моим героем, ни с вами, дорогой читатель… Давайте мы с вами не расстанемся, а просто скажем – до новых встреч!

P.S. Этим летом мы снова повстречались с Дмитрием Мизгулиным – на Пушкинских днях в Псковской области. Обнялись, похлопали друг друга по плечу. Я был, как всегда – рад ему.

И Дмитрий Мизгулин был, как всегда – в своей тарелке. Улыбчив, разговорчив, остроумен, коммуникабелен, внимателен и недоступен.

Ижевск – Ханты-Мансийск – Москва

ВЯЧЕСЛАВ АР-СЕРГИ

Народный писатель Удмуртской Республики. Поэт, прозаик и переводчик, драматург и киносценарист.

Родился 5 апреля 1962 года в д. Новая Казмаска Завьяловского района Удмуртии. По основному образованию – филолог. Первые литературные публикации относятся к концу 1970-х годов, а первая отдельная книга (коротких рассказов) вышла в свет в 1986 году. В 1989 году был принят в Союз писателей СССР. Ныне Вячеслав Ар-Серги – автор более 40 книг поэзии и прозы, опубликованных в России и за её рубежами. После завершения своей газетно-журнальной работы в СМИ, с середины 1990-х годов, полностью перешёл на профессиональную писательскую работу.

Вячеслав Ар-Серги – заслуженный работник культуры Удмуртии. Лауреат Республиканской литературной премии имени Флора Васильева (г. Ижевск). Лауреат Всероссийской литературной премии имени Антона Дельвига (г. Москва, 2014 г.), Международной литературной премии «Югра» (г. Ханты-Мансийск, 2015 г.) и других званий и знаков литературного признания – российских и международных.

Языки литературного творчества – удмуртский и русский.

Живёт и работает в Ижевске, столице Удмуртской Республики (Российская Федерация).

Литературно-художественное издание

Вячеслав Ар-Серги
(Сергеев Вячеслав Витальевич)

«Звезда моя горит высоко…»
Дмитрий Мизгулин

Штрихи к портрету поэта.
Интервью, беседы

Ответственный редактор В.А. Рыбакова
Вёрстка и дизайн Анастасия Евменова
Корректура Алла Никандрова

ИД – №02293 от 11.07.2000 г.
Подписано к печати 9. 08. 2016. Формат 70x100/16
Бумага офсетная "Светокопи". Печать офсетная,
гарнитура "Times". Печ. л. 7
Тираж 500 экз.
Отпечатано в типографии ООО «Омега-принт»
Санкт-Петербург, ул. Белы Куна д. 32.
Телефон/факс: (812) 655-09-33